

"Одержимость миллиардером (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Хлоя Вилкокс

Одержимость миллиардером

Автор перевода: Алёна Дьяченко

Редактор: Настя

Вычитка, оформление: Алёна Дьяченко

Обложка: Ира Белинская

Перевод группы: <https://vk.com/lovelit>

Глава 1

Обычный Ангел

12 августа

Аэропорт Ле-Бурже. Зал прибытия. Наверное, я не произвожу никакого особо интеллектуального впечатления, когда вот так стою здесь: в одной руке держу кофе, в другой – маленькую табличку с надписью "Издательство Ларок". Когда, наконец, приземлится самолёт... Не думаю, что идея отправить меня встречать в аэропорту Давида Фултона, принадлежит именно Адель. Он должно быть жутко богатый тип, раз путешествует на частном реактивном самолёте. На самом деле, мне не ясно, чем я могу быть кому-нибудь полезна. Собственно говоря, мир, в котором он живёт – совершенно другой!

Автор, произведения которого переводятся примерно на пятьдесят языков, продаёт романы многомиллионными тиражами, и вскоре будет богаче, чем королева Англии. Ну, да, он – американец, вероятно, я должна была бы сравнивать его с Биллом Гейтсом. Билл Гейтс – литератор... Почти двадцать девять лет и уже миллиардер. И я стою здесь, и должна его ждать как на автомобильной ярмарке! Адель, издательница, на которую я работаю, неоднократно настойчиво мне внушала, что она от меня ожидает: я должна любезно улыбаться, быть предупредительной и считывать каждое желание в глазах нашего звёздного автора во время его пребывания в Париже. "Мирина", его новое произведение, уже сейчас выделяется как новый осенний бестселлер. Собственно, я не ожидала подобных поручений, когда начинала практику в издательстве, но она даёт мне немного отдохнуть от варки кофе. Кроме того, я получаю такую приятную возможность освежить свои знания английского языка. Мой английский реально убогий: ужасное произношение и скромный запас слов. Не знаю, как меня сможет понять Давид Фултон.

Его самолёт приземляется с оглушительным шумом. Через большие окна здания аэропорта я наблюдаю, как сходят двое мужчин. Узнаю Давида Фултона по чёрным, растрёпанным волосам. Его походка непринуждённая, а руки находятся в карманах бежевого тренча. Он скрывает свои глаза – как и на фотографиях – за тёмными очками. Я покрываюсь "гусиной кожей". Когда этот мужчина идёт там под безоблачным августовским небом по взлётно-посадочной полосе, он прямо-таки невыразимо прекрасен. Это, действительно, захватывающее зрелище. Я не дорасту до его положения, сейчас это совершенно очевидно. Чувствую, как кровь несётся к моим щекам. И тут же следующее потрясение: я проливаю свой кофе, и ощущаю, как он стекает по

моим бёдрам и прекрасной белой юбке.

Насколько глупой я могу быть?

Когда я поднимаю голову, мужчина уже стоит передо мной, его глаза за тёмными очками направлены на мою юбку. Кажется, то, что он видит, его развлекает, так как на губах Фултона играет улыбка. Вблизи писатель, действительно, выглядит лучше, чем на расстоянии.

— Добрый день, мадемуазель, какой обворожительный приём, — говорит он на французском с лёгким американским акцентом.

Его голос! Так нежно звучит... Всё же, что он подразумевает под "обворожительным приёмом"?

— Ах... Вы говорите по-французски? — мнусь я, всё еще краснея.

— Похоже, что так.

— Это классно... и меня радует. Должна вам признаться, что мой английский не особенно хорош.

— А вы...? — спрашивает мужчина, слегка наклоняет голову, и при этом он также усмехается, развлекаясь.

Мне становится ясно, что я не только забыла представиться – я не поздоровалась с ним. Из-за своего волнения я пренебрегла простыми правилами вежливости.

— Луиза Марс. Ваша издательница, Адель Масон, поручила мне вас встретить. Я составлю вам компанию во время вашего пребывания в Париже и буду сопровождать вас на все приёмы.

— Превосходно. С чего мы начнём?

— Прежде всего, мы поедem в ваш отель, чтобы вы могли оставить там свой багаж, затем пойдём в издательство.

Он оборачивается к господину, который сопровождает его, несёт его багаж, и тянет чемодан на колёсиках: лет пятьдесят, седые волосы, морщины вокруг глаз, лукавая усмешка.

— Мадемуазель Марс, я хотел бы представить вам Гари Стюарта, моего дворецкого. Надеюсь, вы будете с ним любезны.

Я поражённо смотрю на Давида Фултона, а затем на мужчину в костюме, который мне улыбается, и он, кажется, тоже забавляется надо мной.

С какой это радости он думает, что я не могу быть любезной?

— Конечно, я буду приветливой. Я хорошо воспитанная молодая девушка. И всегда приветливая.

— Очень хорошо. Это качество, которое я очень ценю.

Почему он мне это говорит?

Дворецкий исчезает, и теперь я стою только с Фултоном перед зданием аэропорта. На душе у

меня крайне мерзко. С красным лицом, с кофе на юбке и, кроме того, ужасно им напугана. Я с трудом отваживаюсь смотреть на писателя. К счастью, мажордом тут же подгоняет машину, полночно синий "Ягуар", и мы садимся.

Если он в совершенстве владеет французским, ездит на "Ягуаре" и имеет дворецкого в качестве шофёра, то, давайте посмотрим правде в глаза – чем я могу быть ему полезной?! У меня впечатление, что я буду рекламным подарком для автора бестселлеров, который продал больше миллиона книжных экземпляров.

Конечно же, шофёр везёт нас в отель. Я сижу на заднем сидении очень прямо, не смея сказать ни одного слова. И украдкой рискую бросить тот или иной взгляд на потрясающе выглядевшего мужчину, сидящего на моей стороне. Он подпирает своим локтём подлокотник, его совершенно выбритая щека лежит на руке. У романиста небольшой прямой нос, весьма светлая кожа и чудесные чёрные волосы, которые падают локонами вокруг его лица. У меня большое желание прикоснуться к нему. Я задаюсь вопросом, какого цвета у него глаза. Фултон также наблюдает за мной, его уголки рта подрагивают в улыбке.

— Где вы выучили французский? — спрашиваю я Фултона, чтобы нарушить неловкую тишину.

— В Университете в Нью-Йорке. Потом я приезжал в Париж, чтобы три года изучать историю искусства в школе Лувра.

— Это всё объясняет!

— Да, некоторые вещи могут объясняться совсем просто.

— Это предложение имеет тайный смысл?

— Я пишу романы о тайных посланиях. Вот.

— Ах! — смущённо вырывается у меня.

— Вы читали мои романы?

Я краснею как помидор. По инициативе Адель я прямо сейчас приступила к "Мирине", другие его книги я ещё не читала. Как мне сейчас выйти из этого положения?

— Естественно вы не обязаны читать мои книги. Я не упрекаю вас из-за этого.

— Всё же, всё же, я их прочитала. Они мне понравились. Они очень интересные.

Он тихо смеётся.

— Вы плохо лжёте, мадемуазель. Но вы в высшей степени любезны.

Я на самом деле глупее, чем разрешено полицией! Что он сейчас обо мне думает?

Сержусь на себя саму, и молчу, пока мы не прибываем в отель. Из "Ягуара" я рассматриваю пейзаж, который на обратном пути кажется более экзотическим.

Через час мы достигаем отеля "Мерис" на Rue de Rivoli [1]. Как только "Ягуар" останавливается, я тут же открываю дверь и выскакиваю из машины. Дворецкий, который выходит одновременно со мной, озадаченно за этим наблюдает. Слишком поздно мне становится ясно, что я должна была ждать, пока он не откроет мне дверь. Давид Фултон

выходит с моей стороны, потому что на его стороне затрудненное уличное движение по улице Риволи.

— Как нетерпеливо, мадемуазель Марс, как пылко!

— Я... к этому не привыкла..., — извиняюсь я перед водителем и чувствую, как снова краснею.

Один из коридорных забирает "Ягуар", другой подхватывает багаж. Я сопровождаю господина Фултона и его водителя, которые направляются к входу в отель под аркадой. Я смотрю в землю под ногами, на которой мозаикой выложено название отеля. Эта роскошь стесняет меня, и я неожиданно вспоминаю, что на моей юбке пятно. Я останавливаюсь в тот момент, когда писатель открывает входную дверь.

— Я подожду вас снаружи...

— Нет, я прошу вас, пойдёте! Приглашаю вас на кофе, как компенсацию за то, что просочилось в вашу юбку...

— Это очень любезно, — отвечаю я, совершенно растроганная его предусмотрительностью, — но...

— Вы меня боитесь?

— Вас - нет, нет, скорее взглядов гостей гостиницы, когда они увидят пятно на моей юбке...

— И осуждения всей планеты?

— Вы смеётесь надо мной, но... совершенно серьёзно: что они должны обо мне подумать?

— То, что вы неуклюжая? Полагаю, бывают ситуации хуже этой!

Он так настойчив и любезен, что я уступаю. Итак, я следую за Давидом, который самоуверенно входит в отель. Пока его мажордом идёт к ресепшену, Фултон разворачивается в направлении бара. Заведение полностью выдержано в тёмном дереве и декоративные багеты в стиле ампир покрыты позолотой, с очень красивыми креслами, подлокотники которых были вырезаны в форме лебедей. Я не привыкла к такой роскоши и чувствую себя плохо. Однако Фултон выглядит так, как будто он полностью в своей стихии. Мужчина заказывает две чашечки кофе. Я сажусь напротив него, причём свою юбку зажимаю между бёдрами и держу колени вместе, чтобы спрятать пятно.

— Я бы охотнее остановился в "Крильон" [2], — говорит он с рассеянным выражением лица, — из-за маленького балкона, выходящего на площадь Согласия... но отель закрыт из-за ремонтных работ.

Я утвердительно киваю, но задаюсь вопросом, возможно, Фултон подразумевает под так называемым "маленьким балконом" лоджию, которая выходит на площадь Согласия. Кажется, романист никак не может повлиять на моё молчание.

— Вы знаете, что отель "*Мерис*" был одним из первых отелей класса "люкс"? - продолжает Фултон с хитрой улыбкой.

Его глаза за тёмными очками не различить. Я спрашиваю себя, смеётся ли он надо мной, проверяет или беседует, просто из вежливости.

— Ах, да? — отвечаю я и выжидаю, что последует.

— Это было в конце восемнадцатого века. Париж входил в маршрут поездок по Европе, совершаемых в то время молодыми состоятельными англичанами, завершающими свое обучение... Вы студентка?

Я качаю головой и кусаю губы. Почему я так обороняюсь? Почему меня огорчает мнение американского миллиардера, который через несколько дней уедет, и я никогда больше его не увижу? Близость писателя заставляет меня нервничать: каждый раз, когда он что-то берёт, я ощущаю, что Фултон хочет коснуться меня, и вздрагиваю. Полагаю, мужчина меня запугивает.

— У вас есть любимый автор? — он спрашивает у меня, чтобы добавить воодушевления беседе, которая снова превратилась бы в неловкое молчание.

— Мне особенно нравится Александр Дюма.

Он изумлённо поднимает бровь над краем своих очков. Совершенно очерченную бровь, такую же чёрную, как его волосы.

— Александр Дюма? Поразительно для женщины. Всё же, он, скорее, автор для юных мальчиков.

— Может быть, *"Три мушкетёра"*... Но я предпочитаю его мемуары и путевые заметки...

— Так как я их не читал, мне тяжело разделить ваш энтузиазм.

Я неважно себя чувствую. Я должна была развивать беседу, разъяснить ему, что люблю Дюма, но боюсь нагнать на него тоску, и, право не знаю, как и с чего я должна была начинать разговор. Фултон в полной мере вежлив, и я бы с радостью показала ему себя с более выгодной стороны. Но не могу ни о чём думать. Молча, я пью свой кофе.

— Может, вы хотите принять душ, прежде чем мы поедem в "Ларок"? — наконец, спрашиваю я.

— Не знаю, как я должен воспринимать это предложение...

— Возможно, вы захотите освежиться? — заикаюсь я как школьница, которую поймали за воровством.

— Очень любезно, что вы озабочены моим благоденствием. Тем не менее, я не хочу оставлять вас здесь одну. Возможно, это приведёт к нежелательной встрече.

— Здесь? Вы думаете, что в любое мгновение здесь, в *"Merise"*, может остановиться банда преступников?

— Может быть, не преступников... а какой-нибудь очаровательный многообещающий юноша, это очень даже возможно.

— Эти *"золотые мальчики"* меня не пугают...

— Зато меня!

В какую игру он играет?

Между тем дворецкий возвращается. Мажордом шепчет что-то на ухо Давиду, который вслед

за этим немедленно поднимается.

— Итак, хорошо, мы едем в издательство, — восклицает он.

Я встаю и следую за ними. Снова "Ягуар". Что за странное ощущение ехать на таком автомобиле класса "Люкс" через Париж. У меня было чувство, будто я богатая туристка, которая прогуливается по городу. Впечатление больше, чем странное – великолепное. Я избегаю разглядывания Давида Фултона, хотя имею такое желание. Однако он ничего больше не говорит, но производит не менее презентабельное впечатление: его запах, тепло, которое излучает мужчина... Я снова краснею.

Через четверть часа мы добираемся до улицы Дракон в шестом округе и останавливаемся перед издательством "Ларок". В этот раз я жду, пока мажордом откроет мне дверь, потом выходит Давид. Он снимает свой тренч, и оставляет его в машине. Писатель изысканно элегантен, совершенно скромно одет: узкие джинсы и чёрная тенниска, под которой угадывается его хорошо сформированный пресс.

Он похож на рок-звезду. Мы идём к великолепному зданию через ворота, окрашенные в тёмно-зелёный цвет, и пересекаем залитый солнечным светом внутренний дворик. Девчонки из книжного издательства, которые зовут себя моими коллегами, стоят около окон, ожидая Давида Фултона как мессию. В самом деле, они никогда в этом не признаются, но я знаю, что все охотно были бы на моём месте и встречали бы писателя в аэропорту. Но, так как вот-вот наступит литературная осень, сотрудники должны были оставаться в офисе. Мы используем старую лестницу со стёртыми ступенями на первом этаже. Дама, полностью одетая в красное, встречает романиста в приёмной. Адель покидает свой рабочий кабинет, чтобы жарко его приветствовать. С трудом верю, но она улыбается! Я не могу вспомнить, чтобы эта женщина когда-нибудь улыбалась...

Адель Масон – моя начальница. Она его издатель, которая заботится о французском издании романов Давида Фултона, координирует и проверяет переводы, отбирает фронтиспис [3], редактирует текст на откидной странице суперобложки, чтобы читатели захотели прочесть роман. Ей около тридцати, но, кажется, она немного старше. По обыкновению, Адель носит брючный костюм, и её волосы связаны в строгий узел. Однако сегодня женщина поражает воображение своим сексуальным красным платьем и туфлями на высоких каблуках. Её белокурые волосы распущены и падают на спину. Давид подчёркнуто прохладно пожимает ей руку. Через переплетённые лабиринтные проходы мы следуем за Адель, которая плывёт впереди нас на десятисантиметровых каблуках в офис месье Ларока – директора.

Кристоф Ларок встаёт и встречает Давида Фултона, чтобы пожать ему руку. Он маленький, седой, около шестидесяти лет, немного полный, сын основателя издательства Жана-Мишеля Ларока. Его взгляд скользит сквозь меня, как будто я – мебель. Потом директор предлагает Давиду и Адели сесть с другой стороны его письменного стола. Я останавливаюсь, скрещиваю руки за спиной, пристально смотрю на свои ноги. Ситуация действительно неловкая. Давид обращается ко мне:

— Я должен принести вам стул, мадемуазель Марс?

— Большое спасибо, но я могу сама об этом позаботиться...

— В этом нет необходимости, — прерывает меня Адель. — Луиза не остаётся здесь. У неё есть работа.

Ах да, у меня неожиданно есть работа?

Пристыженная, я покидаю офис. Я не остаюсь ни на мгновение дольше, чем нужно. У меня впечатление, что я – слуга, которого милостиво отпускают. В женском туалете я пытаюсь удалить кофейное пятно с юбки. Потом иду в свой офис, что-то вроде каморки, которую я разделяю с покрытой пылью документацией. Какая работа? Я погружаюсь в роман Давида Фултона, чтобы в следующий раз не выглядеть так же глупо, если завяжется разговор о его книгах.

Я начала практику в июле, и с тех пор отредактировала весь недавний роман Брайана Беннетта, исторический роман, который обыгрывает декорации английской средневековой деревни. Хотя обычно меня не привлекает подобный жанр, должна признать, что эта книга всё-таки меня очаровала. Всё сводилось к педантичному, детально выраженному изображению средневековой жизни, которое объясняло репутацию этого автора. К сожалению, в настоящий момент я закончила это задание, роман находится в печати и мне не остаётся делать больше ничего другого, кроме как забирать в аэропорту Давида Фултона. Он – неоспоримая звезда издательства "Ларок". Я представляла его себе холодным и высокомерным... одним словом – зазнайкой. Но писатель был абсолютно очаровательным. Был ли он безупречно галантным? Несомненно. Всё же, часть меня, не смотря ни на что, хотела верить, что я могла ему понравиться.

Нет, действительно нет. Это невозможно. Немыслимо.

Я маленькая, темноволосая, и даже совершенно средненькая. И также, если со мной заговаривают незнакомцы, на меня это не производит впечатление: я знаю, что они пытаются счастья при каждой возможности. Также ничего особенного не скажешь о моих бывших парнях. Нормальные обычные середнячки, один был школьник, другой студент. Конечно, парни мне говорили, что я красивая и нравлюсь им, но они говорили это только потому, что были вежливые.

Кроме того, эти юноши были не особенно привлекательные, ни особенно образованные. И также никаких реальных любовников. Другими словами: их мнение для меня никакого особенного значения не имеет. Я много скучала в их постели и в остальном. Полагаю, что до сих пор ещё никогда не испытывала оргазм. Если бы у меня был хотя бы один, в конце концов, я должна была бы это понять. Возможно, я пытаюсь меньше думать об этом, порой у меня появляется впечатление, что я фригидна. Это не потому, что мне не хватает желаний. Но, даже когда я пытаюсь удовлетворить сама себя, ничего не происходит. Неожиданно, как из небытия, мелькнувшая мысль о губах Давида Фултона пронзает меня желанием. Я представляю, как его губы касаются меня. И закрываю глаза.

В коридоре раздаётся голос Адель и резко вырывает меня из снов. Она громко говорит. И даже звонко смеётся. Фальшивым смехом. Я слышу голос Давида Фултона, который отвечает ей спокойно, но твёрдо. Она его соблазняет? Совершенно неожиданно начальница появляется у меня в офисе.

— Луиза, месье Фултон, кажется, поставил в стоимость обеда твоё присутствие.

—обеда?

— Да, обеда, ты же знаешь, что это, когда люди сидят вокруг стола и занимаются тем, что лежит перед ними на тарелке...

— Спасибо, я уже поняла... Я только была немного удивлена...

— Я тоже, представь, но он настаивает на этом.

Я беру свою сумку и иду к ним в коридор. При этом стараюсь не думать о фантазиях, которые как раз меня занимали. Не хочу краснеть, когда его и мой взгляды случайно встретятся. Всё-таки поздно, он снял свои очки, так что я, наконец, смогла увидеть его глаза. К сожалению, я была далеко от того, чтобы спокойно их рассматривать. И почти застываю, потому что Давид нагло и откровенно меня разглядывает, смотрит прямо в глаза. Я чувствую, что стою перед ним голая. Потом Фултон неожиданно отворачивается и становится спокойным. Что это всё-таки было? Что-то ожидает от меня, Адель или Кристофа Ларока?

Мы идём пешком в элегантный ресторан шестого округа. То, что находится на наших тарелках, конечно, вкусно, но недостаточно. Адель переводит разговор на себя, я молчу, Давид едва отвечает. Он снова надевает свои очки и выглядит скучно. Адель проводит рукой по своим волосам. Она нервирует меня. Определённо, эта женщина проводит тут большие маневры соблазнения. Возможно, я ревную. Она красивая, белокурая, независимая, яркая, самоуверенная, имеет хорошую должность и носит очень красную губную помаду. Возможно, Адель полностью проявляет свою сексуальность. Настоящая женщина, уверенная в своих оргазмах. В сравнении с ней я полнейший новичок, подмастерье, ученик. Я серьёзно задаюсь вопросом, почему Давид еще не упал к ее ногам. Мне кажется, что каждый мужчина был обязан сложить оружие перед этим шармом.

Ведь он может иметь подругу, невесту или даже жену? Касательно этого пункта его биографии информация была скудной. Я только знаю, что детство Фултон провёл в Нью-Йорке и учился в Йеле. О его учёбе истории искусств в Париже я знаю только потому, что об этом он рассказал мне сам. В "Википедии" указано, что его отец был геологом и погиб в Иране при невыясненных обстоятельствах. О личной жизни писателя практически ничего не узнать — даже есть ли у него собака, кошка или попугай... Я внимательно рассматриваю Давида, пока Адель что-то рассказывает ему о выставке импрессионистов, которая, по-видимому, нагоняет на него скуку ещё больше чем на меня.

Он разглядывает нож, который произвольно вертит туда-сюда. У него крупные мужские руки и я не могу удержаться, чтобы не следить глазами за его движениями ножом. Неожиданно меня пронзает вопрос, который резко отрывает меня от моих мечтательных мыслей. Почему Фултон снова надел свои очки? Писатель носит их для того, чтобы казаться таинственным или выглядеть как рок-звезда? Для этого романист имеет внешний вид и положение. Он хвастун или обычный человек? Во время десерта ко мне приходит мысль, что Давид Фултон, без сомнения, романтический герой, байроновский герой... Тип мужчины, которого описывал лорд Байрон в своих стихотворениях: невероятно прекрасный, таинственный, меланхоличный... неудержимый.

Даже если я знаю, что у меня с ним нет шанса, я всё-таки жадно поедаю его глазами. Потому что Давид Фултон может предложить нечто большее, чем прекрасный фасад. Мужчина, который просто прекрасен, обычно остаётся относительно холодным по отношению ко мне. Прекрасные мужчины кажутся мне греческими статуями, они пробуждают хорошее эстетическое восприятие. У Давида всё другое. Что-то вроде магнетизма, электрического напряжения, которое пробегает по мне, как только я смотрю на него. Всё-таки, этот мужчина абсолютно недосыгаем для меня.

Перестань его разглядывать, Луиза! Перестань мечтать!

Я произвольно вздыхаю. Давид сразу же выходит из своего оцепенения.

— Что, мадемуазель Марс?

Я сразу же краснею.

— Я? Ничего. Я как раз раздумывала кое над чем...

— О чём именно?

Давид снова улыбается и приближает своё лицо ко мне. Он хочет говорить со мной, восхищённо использует этот предлог, чтобы ускользнуть от длинного монолога Адель. Сейчас писатель очень близко ко мне, я могу чувствовать на коже его дыхание. Я сглатываю, слегка смущаюсь. Моё сердце бьётся, разрываясь на части. Это действительно смешно.

— Я... я думала о лорде Байроне...

— О! Вы любите лорда Байрона?

— Да...

— Тут мы с вами сходимся. Если я не могу ничего сказать об Александре Дюма, я всё же знаю много о лорде Байроне. Как вы находите его "Дон-Жуана"?

— Хорошо.

В этот момент Адель просит счёт. Её глаза мечут искры от ярости. Уверена, ей не понравилось, что Давиду пришлось по вкусу это слово, когда она докладывала о кувшинках Моне.

При выходе из ресторана Давид извиняется перед Адель:

— Мне жаль, но кувшинки Моне действительно не совсем мой случай...

— Ах, да? И какой вид живописи вы любите?

— Жерико, Делакруа, Шассерио... французские романтики... также антикварные вазы.

— Античность, естественно! Что вы думаете о следующем предложении: я освобожу вторую половину дня, и мы вместе поедem в Лувр. Там вы сможете закрыть все мои пробелы в знаниях по вашему усмотрению... — пытается Адель, с соблазнительной улыбкой на губах, склоняя голову на бок.

— Ваше предложение весьма лестно, однако, я очень устал. Расстройство биоритмов в связи с перелётом, знаете ли... Пожалуйста, не сердитесь, но я предпочитаю поехать обратно в отель.

Адель недовольно кивает. Давид подаёт руку сначала ей, потом мне. Он жмёт мою руку крепко и решительно, я сказала бы, почти профессионально.

— Итак, тогда до завтра, мадемуазель Марс.

— Да, до завтра, месье Фултон. В половину одиннадцатого перед книжным магазином?

— Вы сможете заехать за мной в отель?

— У вас есть "Ягуар" и шофёр, я не совсем понимаю, как могу быть вам здесь полезной...

— В поездке мы могли бы поговорить о лорде Байроне.

Я смотрю на него совершенно озадаченно. Давид ещё держит мою руку в своей. Он хочет развлекаться со мной как кошка с мышкой, пока не проглотит со всеми потрохами?

— Итак, до завтра, в десять часов в отеле! — Фултон мгновенно опускает мою руку в тот момент, когда отворачивается.

Я чувствую себя как мышь в когтях кошки. Его диктаторское наступление ошеломляет, веселит и возбуждает одновременно. Адель в ярости. Молча, мы разворачиваемся и идём в офис. Во второй половине дня она ещё несноснее, чем обычно.

Глава 2

Холодный душ

Я еду в метро домой и меня занимают бесчисленные вопросы. Я непрерывно думаю об этом мужчине, с которым только сегодня познакомилась, и который меня одновременно околдовывает и тревожит.

Что только со мной случилось? Он выглядит очень хорошим. Это верно. И очень богат. Это также верно. Культурный. С одной стороны холодный, и потом снова неожиданно радушный. Фултон принадлежит к другой лиге, однако, кажется, хочет играть со мной. Всё-таки, в какую игру? Что он планирует? Хочет посмеяться и жестоко со мной поступить?

Полностью погрузившись в свои мысли, я чуть не забываю выйти на станции "Jussieu". Поднимаюсь вверх по лестнице на шестой этаж к моей комнате для прислуги и прихожу туда совершенно запыхавшись. Здесь нет лифта. Оказываюсь наверху и иду прямо в ванную комнату, чтобы принять душ. Мне становится ясно, что я была потной не только потому, что день был такой жаркий. Я не могу мешать тому, что снова думаю о его руках, представляю их на моей голой коже. Пытаюсь удовлетворить себя сама, но это ни к чему не приводит. Я чувствую себя жалкой.

После душа я ложусь на кровать. Пытаюсь больше не думать о Давиде Фултоне и беру в руки его книгу. Во второй главе я чувствую, как меня охватывает напряжение от событий, которое он вызывает своей поучительной и содержательной игрой с героями и греческими мифами. В одиннадцать вечера я валюсь с ног от усталости и с сожалением откладываю книгу в сторону. Я была на пятой главе.

13 августа

Я просыпаюсь в 8 часов, надеваю чёрную плиссированную юбку – на случай, если со мной снова произойдёт несчастье – с серой блузкой, засовываю ноги в маленькие сандалии с ремешками. Пока я пью кофе, то продолжаю чтение "Мирины", так сильно захватывает меня книга. Потом я пытаюсь превратить себя в красотку: в конце концов, меня не станут каждый день ожидать в "Merise"! И пытаюсь придать форму своим каштановым локонам, подчёркиваю подводкой свои зелёные глаза и наношу розовую губную помаду. Потом я совершенно нетерпеливо пускаюсь бежать, чтобы снова увидеть Аполлона издательского дела, с твёрдым решением снова не пускать его дальше. В десять часов я на ресепшене "Merisa".

— Доброе утро, мадемуазель Марс!

Я поворачиваюсь, там стоит он, в узких небесно-голубых джинсах, рубашке и белой, отрезной куртке, его чёрные волосы растрёпаны, руки в карманах брюк, на нём тёмные очки, и писатель улыбается. Несмотря на моё положительно твёрдое намерение, мой голос снова отказывает. Наконец, я хватаю руку Давида, которую он протягивает мне для приветствия, без сомнения, уже несколько секунд, при этом непроизвольно вспоминаю о том, что я мечтала, как эти руки ласкают моё тело. В самом деле, я определённо обязана взять себя в руки!

— Хорошо спали?

— Я... Да, спасибо. Доброе утро, месье Фултон!

— Итак, мы отправляемся!

Перед отелем мы садимся в "Ягуар". Гари уже ожидает нас и улыбается мне в зеркало заднего вида, когда я его приветствую. Давид усердно рассматривает меня, я это ощущаю, хотя он скрывает свои глаза за тёмными очками.

— Собственно говоря, вы знаете, что в вашей плиссированной юбке вы немного похожи на прилежное дитя? — наконец, спрашивает меня писатель.

"На прилежное дитя?" Что он хочет этим сказать? Что я не достаточно женщина? Что он находит меня подростком? Всё же, тогда уж Фултон должен был просить Адель его сопроводить...

Он смеётся. Красивый, кристально прозрачный смех.

— Не сердитесь. Юбка вам очень идёт.

Я снова краснею, когда мужчина делает мне комплимент, как школьница, которой не хочу быть. Не знаю, что умного я должна была бы ответить.

— Я хотел бы сообщить вам, что переезжаю.

— Переезжаете? Вы уезжаете в Нью-Йорк?

— Нет, думаю, с этим повременю. Я совершенно забыл, как жарко летом в Париже. Мне нужен бассейн, так как я хочу плавать, чтобы отдохнуть и охладиться.

Я немедленно представляю его в плавках, обнажённый торс, по которому стекает вода. Мне становится очень жарко. Совершенно очевидно, что мне тоже не повредит какое-нибудь охлаждение.

— Хочу арендовать дом с плавательным бассейном. Гари уже взялся за поиски и нашёл весьма красивую резиденцию в Marais рядом с Place des Vosges, совсем близко от дома, в котором жил Виктор Гюго.

— Ну, кто бы сомневался! — едва я произношу предложение, тут же об этом жалею.

— Должно быть это было упрёком?

Что со мной происходит? В конце концов, он ещё посчитает меня странной. Я либо краснею как школьница или нападаю на него...

Я кусаю свои губы.

— Вообще нет! — отвечаю ему, придя в норму. — На вашем месте я бы тоже так сделала. Может быть, вы удачливы и призрак Виктора Гюго посетит вас...

Сделано! Он снова мне улыбается.

— Это вполне могло бы помочь в моём новом романе.

— Ах? Новый роман? О чём?

— Разве мы об этом разговариваем, а не о лорде Байроне?

Странно. Почему он говорит мне, что пишет новый роман, если не хочет о нём говорить? Гари поворачивается к нам, мы приехали. Когда мы подъезжаем к книжному магазину, Давид нежным голосом шепчет мне в ухо:

— И море, и небесные светила,

Безмолвие песков, и гротов мрак

Всё их ласкало, нежило, томило.

Они, обнявшись, наслаждались так,

Как будто были в этот час блаженный

Бессмертными одни во всей вселенной [4].

Я покрываюсь "гусиной кожей". Узнаю стихотворение из "Дона-Жуана". Он выбрал стих, который относится к самому прекрасному в этом произведении, к тем немногим, которые были не саркастичными. Давид Фултон - подлинный романтик. Или же он только так делает, и я должна его остерегаться...

Перед книжным магазином писателя уже ожидает масса фанатов и выкрикивает его имя. Среди них много очень юных девушек. Сейчас только ещё не хватает, чтобы они попросили его расписаться на своих лифчиках. Он приветствует их лёгким движением руки и идёт в книжный магазин. Там Фултон, прежде всего, разговаривает пять минут с продавцами книг и потом садится за стол, который подготовили только для него и на котором уложено стопками для продажи его недавнее произведение "Мирина". Очень любезно и с улыбкой Давид начинает его читать. На стуле в углу я притворяюсь, что читаю, но не могу отвести от него взгляд. Чем больше за ним наблюдаю, чем больше общаюсь, тем более особенным и очаровательным я его нахожу. Он прямо-таки будит выходящее из берегов воображение: экстравагантный, непринуждённый, элегантный, привлекательный, в одно мгновение может пылко обжигать, а спустя другое короткое мгновение распространять жуткий холод... Я до сих пор не осознавала, что нечто подобное вообще возможно.

Всё же, пожалуй, я не влюблюсь, в Дона-Жуана-книжного-магазина!

В половину первого не имелось больше ни одного экземпляра романа, который он мог бы подписать. Продавец книг извиняется перед разочарованными фанатами. Давид пробирается через толпу, где поклонники хотят задать ему сто вопросов и подходит ко мне.

— Нам пора пойти обедать!

Я киваю и следую за ним. Я должна была думать о том, что многие его страстные поклонники отдадут многое за то, чтобы быть на моём месте. Мы садимся в "Ягуар" и едем в элегантный ресторан, который до сих пор был мне незнаком.

— Мне не понравилось, как вчера в офисе Адель обошлась с вами перед Кристофом Лароком.

— Это было причиной вашего плохого настроения?

— Я выглядел так, как будто у меня было плохое настроение?

— Да.

Он улыбается мне, и я расслабляюсь. Может быть, я смогу это сделать – говорить с ним без того, чтобы заупрямиться или покраснеть в неподходящее время.

— Это всё правда меня очень рассердило. Я не люблю, когда с кем-то пренебрежительно обходятся.

— Вы хотите скрывать свои чувства и поэтому всегда носите эти тёмные очки?

Выражение лица Фултона сразу темнеет. Такая огромная тема для расслабляющего разговора.

— Нет, я ношу... по другим причинам. Медицинские причины. Фотофобия. Пора заказывать!

После того, как мы делаем наш заказ, он направляет свой взгляд на улицу, полностью погружаясь в свои мысли. У меня всё ещё есть впечатление, что я произнесла что-то, что не должна была говорить. Когда мы едим всё время молча, это становится очень неприятным.

— Я на шестой главе "Мирины", — говорю я, чтобы ослабить напряжение.

— И как вы его находите?

— Интригует... Но, откуда вы берёте идеи для этой истории с этими амазонками в Атлантиде, которые борются против атлантов? Мне представляется очень... странным.

— Это было не моей идеей. Она изначально происходит от Диодора из Сицилии, античного историка, который сообщает об этой экспедиции. Так как при этом совершенно ясно, что ранее событие исходило из легенды, чем из настоящего исторического события. В принципе, я не изобрёл ничего нового, а оформил, нашёл точки соприкосновения между различными элементами. Это настоящая задача автора романа.

Я киваю. Пока мы едим, он говорит об амазонках, но кажется при этом неестественно отсутствующим. На короткое мгновение у меня появляется чувство, что мы были близки, а теперь он говорит со мной как с Адель. Я всё испортила.

Во второй половине дня мы едем в книжный магазин в 15-ом округе. Там также нас уже ожидает множество влюблённых почитательниц, с его романом в руке. Он подходит очень профессионально, почти любезно, но остаётся прохладным. Я не понимаю. Всё же это не хорошо умещается в историю с тёмными очками?

Когда мы покидаем книжный магазин, Фултон предлагает мне поужинать с ним в "Merise". То, что здесь происходит, не нормально. Вторую половину дня он показывает мне холодный приём,

и сейчас приглашает поесть! Впрочем, ужин для меня не то же, что совместный обед. Это уже почти свидание. Однако я должна отказаться, что, конечно, мне совершенно подходит. Для сегодняшних событий я получила достаточно холодного душа.

— У меня уже есть договорённость.

— С вашим другом? - спрашивает он и делает при этом акцент на слове *друг*.

— С моим экс-другом. Мы больше не вместе.

Почему я чувствую, что должна оправдываться? Этот мужчина для меня ничего не значит... Давид холодно кивает.

— Кто закончил отношения? Вы или он?

— Боюсь, вас это не касается!

— Наверное, это так. И договорённость нельзя отменить?

— Мы давно уже больше не видимся и эту встречу запланировали заранее.

— Ну, в таком случае, дальше не настаиваю.

В его голосе ощущается раздражение. Тем лучше, по крайней мере, позиции выяснены. Это деловой контакт, не более.

Едва я прихожу домой, раздаётся звонок в дверь. Снаружи стоит Барбара, моя соседка с шестого этажа. Симпатичная женщина лет тридцати, с коротко постриженными каштановыми волосами, милыми веснушками, у неё вид элегантного хиппи, открытая и подвижная, всегда в хорошем настроении...

— Приветствую тебя, Лулу. Всё в порядке?

Я инстинктивно киваю.

— Можешь сегодня вечером присмотреть за Зое?

Зое - это дочь Барбары и Жюльена. Три года, совершенно сладкий мышонок с рыжими кудряшками, которые за ушами величиной с кулак. Так как я в настоящее время живу как монахиня, то часто присматриваю за Зое, чтобы сделать Барбаре одолжение - заработать немного карманных денег и не в последнюю очередь, также потому, что я расположена к Барбаре и Зое.

— К сожалению, не могу сегодня вечером. Я договорилась с Оливером. Завтра я бы смогла, если хочешь...

— Всё в порядке. Но, ты уверена, что всё в порядке? Выглядишь какой-то уставшей.

— Нет, всё в порядке... Это только работа.

— Адель снова вымещает своё плохое настроение на тебе?

— Нет, с Аделью в настоящее время вообще всё в порядке, я не видела её целый день. Это один из наших авторов. Я должна сопровождать романиста на авторские чтения его недавнего

романа, и он ведёт себя по отношению ко мне как-то своеобразно.

— Например?

— Иногда у меня впечатление, что он мной заинтересован, и в следующий миг парень снова холоден.

— Кто это?

— Не знаю, знаешь ли ты. Его зовут Давид Фултон.

— Что? Этот красотуля Давид Фултон заигрывает с тобой? — кричит она, совершенно вне себя.

— Нет, он не заигрывает со мной. Если быть честной, то я, правда, не знаю, к чему он стремится... думаю, что хочет со мной поиграть.

— И ты с удовольствием прикидываешь, как эта игра закончится в кровати...

— Я? Ты шутишь? Даже не думаю об этом.

Я плохо умею врать, и Барбара недоверчиво улыбается.

— Окей. Хорошо, тогда ты присмотришь за Зое завтра вечером? Жюльен и я планируем маленький романтический ужин вдвоем.

— Никаких проблем. Завтра вечером у меня есть время.

— И ты мне всё расскажешь?

— Что я должна тебе рассказать?

— Ты увидишь его снова, твоего Давида Фултона, да?

— Да, он ещё несколько дней останется в Париже. Но там ничего не происходит. Только странная маленькая игра.

Барбара прощается с уверенной улыбкой на губах, которая так меня нервирует.

Я встречаюсь с Оливером в "*Rue de Rennes*". Мы хотим что-нибудь поесть и потом пойти в кино. В прокате фильм "*На ярком солнце*" с Аленом Делоном в главной роли. Парень ожидает меня на одной из красных скамеек кафе "*Le Vieux Colombier*". Едва он меня видит, как тут же поднимается, улыбается и целует в обе щеки. Кажется, Оливер радуется тому, что видит меня. Я сажусь рядом с ним на скамейку. Юноша берёт мою руку и целует. Я быстро её убираю.

— Прекрати это!

— Но, Лу, ты так сногшибательно выглядишь. Я не могу сопротивляться тебе.

— У меня был довольно утомительный день, поэтому, пожалуйста, сделай одолжение, и не делай всё ещё хуже...

— У тебя трудности с твоей практикой?

— Это немного сложно...

Я не решаюсь рассказывать ему о Давиде Фултоне. В его голове фильм проходит всегда одинаково. Оливер принадлежит к редкому виду мужчин, которые охотно идут в кино. Он – фанат кино. Я познакомилась с ним в первый год учебы в университете. Юноша соблазнил меня своими разговорами об эстетике Гас Ван Сента [5]. Парень большой, очень нервный, с короткими белокурыми волосами и выразительным подбородком. Физически он никогда не был моим случаем. И интеллектуально Оливер очень быстро мне надоел своей болтовнёй. Как все кинематографисты он разбирает каждый фильм на отдельные кадры. Наши отношения пробежали за шесть месяцев, шесть месяцев, в которые парень упрекал меня, что я его не люблю – что впрочем было правдой; шесть месяцев, в которые я утверждала, что получаю удовольствие в постели, чего не случалось. Незадолго до экзамена в мае, я закончила эти отношения. Мы остались друзьями; я из-за чувства вины, что оставила его, и он потому, что ещё надеется, что я вернусь обратно к нему.

— И как проходит твоя практика? — Оливер остаётся упорным, потому что я всё ещё молчу.

— Мою практику можно ограничить двумя проблемами: начальница диктатор и странный автор, которого я сопровождаю от одного книжного магазина к следующему.

— Что это за такой странный автор? Старый тип с животом?

— Скорее молодой без бороды, — нервно говорю я, чтобы помешать его ревнивому реагированию.

— И как его зовут?

— Давид Фултон.

Оливер округляет глаза.

— Автор бестселлеров, который пишет эзотерические триллеры? Эти бульварные романы?

— Это не бульварные романы! Это правильное, даже хорошо проведённое расследование. И учит многому в греческой мифологии.

— Только не говори мне, что тебе нравится что-то подобное!

— И почему нет?

— Лу, ты меня разочаровываешь. Я всегда считал тебя требовательнее.

— Это безразлично. Я как раз склоняюсь к моему плохому вкусу.

— И это действительно происходит не от того, что он молод и не имеет бороды...?

— Сейчас же перестань! Я рассержусь.

Вопреки моим мерам предосторожности, сейчас он ревнует.

— Ты абсолютно уверена?

— В любом случае этот тип ужасно высокомерный, холодный хвостун..., — так утрирую я и в это мгновение совершенно не ясно, делаю ли я это для Оливера или для себя.

Мы заканчиваем с нашим салатом и идем в кино. В прокате "*На ярком солнце*". Я так одержима Давидом Фултоном, что для меня Ален Делон – несмотря на то, что он в этом фильме молодой и очень хорошо выглядит – прямо-таки кажется безвкусным. Я вижу его, и мне кажется, что на лодке Давид Фултон. Давид в море, Давид в плавках в стиле 60-х годов... Понятие "одержимость" – это полностью пока ещё эвфемизм. (*прим.пер. - смягченный способ выражения грубого или неприличного значения*).

Глава 3

Крайне очаровательная

14 августа

Сегодня я выхожу в "Balard" [6] так как там находится телестудия, в которой должна записываться литературная передача с Давидом. Едва я покидаю станцию метро, меня тут же настигает голос, который постепенно начинает казаться мне знакомым. Я невольно вздрагиваю.

— Доброе утро, мадемуазель Марс.

Я оборачиваюсь. Давид стоит передо мной в чёрном костюме, белой рубашке, глаза как всегда скрыты за тёмными очками, как у агента ФБР. Пожалуй, он всё же не будет меня преследовать! Или даже – немислимо – захватывать в метро...

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю я растерянно.

— Я ждал вас.

"Ягуар" припаркован в 10 метрах позади него. Это выглядит так, как будто он ждал.

— Сегодня утром вы не забрали меня в отеле.

— После того, что было вчера вечером, я предполагала...

— Что должно было вчера произойти? — спрашивает писатель. Фултон выглядит удивленным.

— Ну, у меня было впечатление, что я вас ненамеренно обидела.

— "Обидела" – это, пожалуй, не правильное выражение. Вы мне только кое о чём напомнили. Вы можете не принимать всерьёз мои налёты меланхолии. Это находит время от времени. И? Каким был вечер с вашим *другом*?

— Очень хорошим. Мы были на фильме "*На ярком солнце*", — отвечаю я и снова глупо краснею.

— Прекрасный фильм, даже если Ален Делон не мой случай.

— Почему вам не нравится Ален Делон?

— Мне не нравится, что он – равнодушный красавчик.

Я звонко смеюсь. Это соответствует примерно тому же, что я считаю о нём.

— Вы находите это смешным?

— Нет... Это только потому, что я сама не люблю *равнодушных красавчиков*.

Мы добираемся в телестудию и должны завершить наш разговор. Ассистентка наступает ему на пятки, едва он входит в дверь. Давид снова надевает профессиональную маску и склоняется в общепринятом ритуале – от гримирования до причёсывания. Потом следует на прямой эфир, и я восхищаюсь его отличной находчивостью. Он вставляет фразы о своих предпочтениях в греческих мифах – и элегантно пируэтами вытаскивает себя из афер: у греческих богов есть более страстная сексуальность, чем у ангелов христианской религии. Провокация, которая граничит с богохульством. Фултон подвергается опасности получить трудности с фундаменталистами. Ему задают вопрос, отражается ли успех на его стиле. "Нет, — отвечает он, — определённо, нет".

Выходя из студии, Давид засовывает руки в карманы и довольный собой, как бы между делом ставит вопрос:

— Вы уже что-то планируете сегодня после полудня?

— Я должна вернуться в офис. Адель, конечно же, с нетерпением меня ждёт.

— Что ж, тогда она подождёт ещё немного подольше, чтобы увидеть ваше симпатичное личико. Я предлагаю, чтобы мы сегодня во второй половине дня прогулялись по магазинам на проспекте Montaigne. Мне нужна рубашка. И плавки.

Для вида я ещё немного медлю, но идея прогуляться меня воодушевляет. Сверх того, он говорит, что у меня красивое личико. Это, конечно, мне нравится, даже если я могу думать об этом не по-настоящему. Я восторженно киваю. И своё твёрдое намерение о *чисто деловых отношениях* я снова отбрасываю назад.

Во время обеда в элегантном ресторане 8-го округа, Давид снова показывает свою лучшую сторону, он очаровательный, приветливый и расслабленный. Это выглядит так, как будто после ледникового периода пришла прекрасная погода. Мужчина находится в шутовском хорошем расположении духа. На авеню Монтень он идёт к "Диор". Куда же иначе. Фултон примеряет рубашку в кабине для переодевания. Мне жаль, потому что так я бы с удовольствием увидела обнажённую верхнюю часть его туловища. Теперь примерка плавков. К моему сожалению, они также не демонстрируются. Я сижу в глубоком кресле этого элитного бутика и спрашиваю себя, что я здесь собственно забыла.

Почему я вообще должна была его сопровождать в этом шопинге? Давид хочет мне показать, как высока его покупательная способность? Или доказывает, что он больше, чем писатель, который одержим греческой мифологией? Возможно, что он пытается произвести на меня впечатление? Я могу действительно нравиться такому мужчине, как Давид Фултон? Я?

Потом я начинаю мечтать. Снова заменяю голову Алена Делона в фильме "На ярком солнце" на Давида. Давид в плавках. Давид со стекающими жемчужными каплями воды, опасный Давид, его чувственный рот на моём запястье. Я действительно должна успокоиться.

— Так, сейчас именно то время, чтобы уйти работать, — говорю я себе, как будто должна сама себя в этом убедить, когда мы идем из бутика.

— У вас сейчас действительно есть желание работать?

— Этот вопрос о желании звучит почти как вопрос о долге. Могу я вам напомнить о том, что я – практикантка?

— Совершенно верно. И чувство долга в моих глазах – это важное качество. Следовательно, я отпускаю вас сейчас идти работать.

— О! Это в действительности очень великодушно. Сейчас вы разрешаете мне идти работать? Вы, в самом деле, думаете, что в вашей власти удержать меня?

Я тоже имею чувство юмора и, на самом деле, большое желание растянуть дальше наш тет-а-тет...

— Совершенно. Мне это обойдётся только коротким звонком Адель, чтобы всю вторую половину дня вы оставались вблизи меня.

Я подёргиваю плечами и говорю себе, что это возможно всего лишь шутка. Одно короткое прощание рукой и я на пути к метро, разрывающаяся между чувством облегчения, потому что ускользнула от моих желаний, которые всё-таки мало были деловыми по своей природе, и не уступила неудержимому желанию.

Я опаздываю назад в офис, Адель в яростном и отвратительном духе, окатывает меня холодным душем.

— Я думала, ты должна была проводить с Давидом Фултоном только первую половину дня?

— Понятие "*первая половина дня*" интерпретируется от случая к случаю весьма щедро. Но он всё равно не оставил мне никакого выбора.

— Не пытайся выставить меня глупой. Мне уже давно ясно к чему ты стремишься.

— И к чему я стремлюсь?

— Только ты это знаешь достаточно хорошо. Здесь у тебя есть кое-что поучительное, чем ты можешь заниматься в промежутках времени.

С этими словами она даёт мне задание составлять показатели вплоть до следующей недели. Я делаю своё дело и бормочу под нос. По-видимому, Адель полагает, что я также как и она "хочу полакомиться" Давидом Фултоном. При этом начальница совершенно благополучно забыла: в конце концов, она была тем, кто бросил меня к его ногам, так сказать как "рекламный подарок". Без сомнения, Адель была убеждена в том, что я не имею у него ни малейшего шанса: слишком глупа, слишком наивна, слишком молода, слишком неопытна. Я открываю папку, которую она мне послала. Я должна прочитать 350 страниц длинного текста, который выглядит так нудно, как политические дебаты об экономическом кризисе. Едва слышные звонки моего компьютера сигнализируют, что я получила письмо по электронной почте.

От:

Тема: Сожаление?

Не слишком утомительно работать при такой жаре?

Тем временем я двинулся в свою новую квартиру. Она просто превосходна. Если бы вами не

овладело ваше чувство долга, мы могли бы вместе купаться в моем красивом маленьком бассейне.

Как он добрался до моего e-мейла? Купаться вместе? Он и я? Всё таки это не может быть серьёзно, он принимает меня за неимущую?

От:

Тема: Сожаление? Нет. Но много вопросов

Кто дал вам мой e-мейл?

Квартира? Вы говорили не о таунтхаузе в Марэ?

Вместе?

Для этого у меня нет купальника.

Это против всех моих принципов - купаться вместе с кем-то в первый же вечер.

От:

Тема: Донос. Купальники и принципы

К e-мейлу: его дала мне Адель Масон. Я спросил её на случай, если стану нуждаться в вашей помощи.

К купальнику: мы могли бы его купить. Вы любите купальники от "Eges"?

К квартире: приступ скромности. Если однажды Вы будете иметь желание забрать меня, найдете меня по адресу 6, impasse Guéménée.

К принципам: хорошо иметь принципы. Но некоторые из них излишние.

От:

Тема: Теперь серьезно

Я должна работать. Создавать показатели.

К купальнику: да, я люблю купальники "Eges", тем не менее, не располагаю вашими финансовыми средствами.

К принципам: об этом можно спорить.

От:

Тема: Хорошо

Хорошо.

С сожалением я дальше работаю над индексом. Я бы и дальше с удовольствием обменивалась с ним е-мейлами. Эта маленькая неожиданная "беседа" мне очень понравилась. На всякий случай, сомнений сейчас больше нет: он меня переделывает. Даже бесцеремонно. Я краснею, совсем полностью в моём маленьком бюро. Что я для него? Возможность лёгкой добычи? Приятное времяпрепровождение? Он хочет подсластить мной свою одинокую ночь? Возможно, не одну целую ночь. Выпил до дна и прыг, как с группы [7]. Я сильно его хочу, но в этом виде отношений не была заинтересована. Я не принадлежу к категории "лёгкая девочка" - раболепная женщина - сексуальный объект, это вообще не мой жанр.

В шесть часов вечера я стою под душем, когда звонят в дверь. Я открываю, совершенно мокрая, полотенце повязано вокруг груди, немного кисло потому, что меня побеспокоили. Снаружи стоят Барбара... и Зое. Я обещала, что сегодня вечером буду присматривать за ней. Совершенно выпало из памяти.

— Луиза! — кричит она своим звонким голосом и протягивает ко мне свои руки. Соответственно, я таю, я нахожу её такой сладкой.

Я склоняюсь к ней вниз и дарю ей несколько поцелуев в круглые щёчки. Она смеётся. Я восхищена. Мы станем рисовать, читать, болтать чепуху. Это отвлечёт меня. Зое тут же бросается к моим старым куклам, которые я привезла ей от моих родителей, пока Барбара следует за мной в мою комнату. Я надеваю старую футболку и легинсы.

— И?

— Что и?

— Ну, твой няшка! Как далеко ты с ним продвинулась?

— Как далеко я должна была с ним продвинуться?

— Не говори мне сейчас, что он тебе не нравится...

— Ты знаешь, мужчины, которые хорошо выглядят, просто оставляют меня холодной.

Барбара раздражается звонким смехом.

— Ты смеёшься надо мной? Я тебе не верю!

— Думаю, он...

Посреди предложения меня прерывает дверной звонок. Я открываю, и передо мной стоит курьер в шлеме. Я пристально вопросительно смотрю на него.

— Для меня? Вы уверены?

— Вы ведь Луиза Марс?

— Ах... да.

— Ну, тогда правильно. Пожалуйста, распишитесь здесь.

Я подписываю и внезапно оказываюсь с пакетом в руке. Так как я не имею врагов - это вряд ли подрывной заряд. Я поворачиваюсь к Барбаре, которая наблюдает за мной и кажется, почти лопается от любопытства. Открываю пакет и совершенно не понимаю, что это должно быть:

нахожу там загадочную карточку без подписи, на которой стоит: "Véfour - 20.00", пара лодочек из чёрной лакированной кожи с десятисантиметровым высоким каблуком и платье... платье настоящей мечты. Барбара со смехом обрушивается на диван, а Зое делает совершенно большие глаза. Это расклешённое струящееся платье, длиной до щиколотки, в стиле 50-х годов. На этикетке стоит "Диор". Я абсолютно озадачена, ещё больше – нахожусь недалеко от шокового остолбенения. Попеременно я смотрю на Барбару, которая всё ещё истерически смеётся, на платье и потом снова на Барбару.

— Как же это понимать? — спрашиваю я, наконец.

— Ну, для меня это выглядит полностью как приглашение на ужин, или нет?

— Ты думаешь, что пакет от Давида?

— Конечно, Луиза, от кого же иначе? Или ты случайно знаешь много миллиардеров, которые могут позволить себе подарить платье от "Диор"?

— Я... Нет, не знаю..., — отвечаю я и кусаю губы. — Я не могу это принять. Я пойду на встречу, чтобы вернуть ему платье.

— Одевай уже, хорошо? — кричит Барбара в ужасе. — Ты наденешь это платье, ты пойдешь на это свидание, ты станешь ужинать с этим необыкновенным мужчиной и потом – это полностью зависит от тебя.

— Мне кажется, что он купил меня.

— Ты не должна с ним спать..., — говорит она тихим голосом, так как это предложение определённо не для маленьких ушей её маленькой дочери. — Ты не хочешь один раз в жизни провести настоящий сказочный вечер? Если бы я была на твоём месте, я бы не медлила ни одной долгой секунды. Наслаждайся своей жизнью! Не будь глупой!

Я кусаю губы, совершенно потерявшись в мире сомнений. Теперь, по меньшей мере, я решусь на попытку. В моей комнате я стаскиваю старую футболку и легинсы. Ох, я совсем забыла, что ношу слипы, которые выглядят как панталоны моей бабушки. Очень удобные, но, конечно, абсолютно не подходят к платью, которое я прямо сейчас хотела надеть. Я меняю их на трусики из чёрного гипюра. Потом Барбара помогает мне надеть платье и лодочки.

Невероятно!

Платье совершенно подходит, как будто сшито для меня. Откуда он знает мой размер? В зеркале я вижу женщину, но невольно думаю: это не я. Настоящая женщина, не молодая девчонка. Женщина почти неземной элегантности, вне времени, как фея. Барбара в восхищении свистит сквозь зубы. Действительность обрушивается на меня: есть прямо-таки золотая увёртка, чтобы не быть вынужденной идти на ужин.

— Я не могу. Я же обещала, что буду присматривать за Зое.

— В самом деле, Лулу, ужин с Жюльеном мы передвинем на другой вечер. Нельзя избежать такого подходящего случая.

Я уступаю, и Барбара помогает мне накраситься. Я всё ещё разрываюсь. Для меня твёрдо установлено: это Давид, который отправил мне приглашение на ужин; и совершенно очевидно,

что я ему нравлюсь, даже если я совершенно не понимаю почему. Но что он ожидает как ответную услугу? А если Фултон психопат, который радуется тому, чтобы разделять на части юных женщин? Кто-то, кто любит игры с кандалами или относится к СМ [8] ? Мужчина такой своеобразный. Кроме того, у меня есть задание – прочитывать каждое его желание по глазам... если бы я согласилась на то, чтобы спать с ним – это было бы случаем проституции. Проституции практикантки. Перед уходом я поручаю Барбару известить полицию, если я не буду дома до полуночи. Смеясь, она соглашается. Зое смотрит совершенно разочарованная тем, что мы проведём сегодняшний вечер не вместе.

Я еду на такси в "Véfour". В такой одежде, с такими туфлями в метро не ездят. Когда я десять минут девятого вхожу в ресторан, Давид встречает меня с лучезарной улыбкой. Все гости пристально меня рассматривают. Мне неловко, и я стремительно занимаю своё место напротив. Он снова одет в чёрный костюм, в котором в нём есть что-то от Джеймса Бонда. Я под впечатлением, я мечтаю.

— Вы выглядите очаровательно! Я не ошибся. Это платье изготовлено для вас.

Его мягкий голос, его лёгкий американский акцент, его непринуждённость, его отличный внешний вид – у меня кружится голова.

— Спасибо, — говорю я. — Надеюсь, я не заставила вас долго ждать?

— Парижанки известны своей особенной пунктуальностью...

Я решаю, что в этот раз не обращаю внимание на его сарказм... если замечание вообще было задумано саркастическим.

— Это платье, действительно, мечта. Откуда вы знаете мой размер?

— Нет ничего легче. Вы божественно пропорциональны.

Это замечание о моём теле, которое я без сомнения должна была бы найти лишним, позволило мне покраснеть от удовольствия.

Он, в самом деле, сказал "божественно пропорциональна"?

Официант принёс наш заказ. Я хочу снова восстановить своё душевное равновесие и поэтому меняю тему:

— Мой адрес вам дала Адель?

Он качает головой и лукаво улыбается.

— Она не может от меня ничего скрыть, мадемуазель Марс.

— Ах, да? — спрашиваю я удивлённо. — Но, скорее, меня это беспокоит.

— Я – милый мальчик, следовательно, вы не должны меня бояться.

— Если вы такой милый мальчик, почему не пригласили на ужин одну из своих многочисленных поклонниц? Этим вы бы оказали ей большую любезность. И она бы часами восторженно говорила о вашем романе.

— Думаю, потому что с одной стороны, мне бы надоело говорить часами о моём романе. С

другой стороны, потому что я нахожу вас крайне очаровательной. Это так просто.

Крайне очаровательная?

По мне пробегает дрожь. Моё лицо меняет цвет от розового до красного мака.

Очаровательная - почему? Очаровательная - как? Потому что я - божественно пропорциональная?

Я просто немею. Мне кажется, будто мой мозг настраивается повиноваться ему, я глупо улыбаюсь и задумчиво поигрываю вилкой. Чувствую, как его взгляд задерживается на мне. Наверняка, сейчас он вдоволь наслаждается тем, что сбил меня с толку.

— Ах... спасибо за комплимент.

Смена темы сейчас была бы хорошей идеей.

— Гари выглядит очень очаровательным. В любом случае, у него очень обаятельная улыбка.

— Гари - чудесный человек. Я не знаю никого, кто обладает большей человечностью, чем мой дворецкий. И он всегда очень мудро отзывается о людях и вещах.

— Вы достаиваете его звания своего доверенного?

— Определённым образом, да... Когда умерли мои родители, он много обо мне заботился.

— Вы потеряли также и вашу мать? Я думала, умер только ваш отец...

После этого Давид начинает рассматривать ножку своего стакана. Губы складываются в горькую линию.

Хм-м, снова щекотливая тема.

— Конечно, это не указано в моей биографии. У меня нет желания говорить об этом. Совсем никакого желания.

И он снова закрывается как устрица. Во время приёма пищи Давид остаётся сдержанным, вежливо отвечает на мои вопросы и со своей стороны задёт много вопросов об Оливере, моей жизни и учёбе. Кажется, прежде всего, его занимает Оливер. Может ли быть, что он ревнив?

Мы садимся в "Ягуар". Поездка проходит молча. Я упираюсь локтем в открытое окно, рукой в мой подбородок и рассматриваю огни Парижа. Тёплый ветер гуляет по моим волосам. Не знаю, ни что я должна говорить, ни что должна думать. Неожиданные повороты эмоций Давида пугают меня. Слишком много щекотливых тем, которые раздражают или ранят его. Он слишком чувствительный, очень загадочный. Мы прибываем ко мне. Гари открывает дверь. Давид выходит со мной и сопровождает к входу, пол которого облицован керамической плиткой с цветочным мотивом. Я включаю свет. Моё сердце стучит так сильно, что боюсь, мужчина может это услышать.

Я не решаюсь спрашивать его, что он планирует. Ещё прежде, чем я открываю вторую дверь, Давид нежно берёт мою руку, проводит, поглаживая большим пальцем руки над моим внутренним сгибом локтя. Потом тянет мой локоть к своему рту и покрывает его лёгкими поцелуями. Я закрываю глаза. Мужчина освобождает руку и притягивает меня к себе. Не допуская сомнения в том, как страстно он меня желает. Я чувствую, как слабеют мои ноги.

Никогда раньше не чувствовала чего-то подобного: изысканной смеси из возбуждения и боязливого ожидания. Его губы находят мои, язык открывает мой рот, проникает, находит мой язык. Поцелуй становится страстным. Я потеряна. Внезапно Давид завершает поцелуй и проникновенно меня рассматривает.

— Давайте проведём ночь вместе.

— Месье Фултон... несмотря на ваше... очаровательное внимание... я не могу.

— Вы тоже этого желаете, я знаю. Вы получите со мной очень много удовольствия, мадемуазель Марс.

При этих словах через меня снова проходит волна желания.

— Сейчас действительно нет такой возможности. Это беспокоит меня по бесчисленным причинам... и было бы слишком хлопотно объяснять вам это сейчас.

Чтобы положить конец моим мучениям, я стремительно отпираю дверь и захожу в дом. Через застеклённую дверь я вижу его тёмные глаза, которые задерживаются на мне, его рот, совершенно полу раздражённый, полу озадаченный, как будто он больше не понимает земной грешный мир. Я убегаю на лестничную клетку и плачу. Я так страстно желаю Давида, как никогда раньше не желала мужчину. Но я не его группы. Не хочу, чтобы Адель оказалась права. Я не хочу быть практиканткой, которая спит со звездой. Я не хочу быть поощрительной премией для автора бестселлеров.

Прежде всего, не хочу отношений с мужчиной, который настолько сложный. Несмотря на то, что я его так страстно желаю, и так насыщено, что меня это пугает. Я плачу от того, что желаю этого мужчину. Так, что я бы потерялась в нём, отказалась бы от своей свободы, моей гордости, что я больше не буду держать себя под контролем, а стану его пленницей. Я не хочу желать этого мужчину, я не хочу, чтобы он доставлял мне удовольствие. Я хочу вообще ничего больше не чувствовать.

Глава 4

Гордость и предубеждение

15 августа

На следующее утро меня посещает Барбара, которой я, конечно, должна рассказать, как прошёл мой вечер. Я всю ночь не сомкнула глаз. Она делает мне кофе, пока получает от меня запутанную чушь.

— Лулу, может быть, этот мужчина божий любимчик... Такой момент чистого удовольствия для чего-то большего или избегать немного устаревших принципов, я это нахожу...

— Глупым?

— Ну, скажем так, по меньшей мере, не особенно умным...

— Может быть, это именно то, что меня пугает - спать с молодым Богом...

Она смеётся и меня мучает совесть. Я этого больше не выдерживаю и в 9 часов еду к Давиду,

на Impasse Guéménée. Звоню в ворота, которые окрашены в кобальтовый цвет. Через двустороннее переговорное устройство я слышу голос Гари, который спрашивает моё имя. Вхожу в симпатичный внутренний двор с деревьями. Мне до сих пор было неизвестно, что такие имеются где-то в центре Парижа. Справа меня ожидает Гари, он стоит перед маленькой дверью в том же самом синем цвете, как входные ворота.

— Мадемуазель Марс, очень приятно видеть вас, — приветствует он меня на английском.

— Добрый день, Гарри. Месье Фултон спит?

— Нет, он в бассейне, делает несколько кругов. Пойдёмте, я отведу вас туда.

Гарри проводит меня в прихожую с несколькими консолями в стиле рококо. Я слеую за ним по лестничной клетке, каменные ступени 17 века которой покрыты толстым ковром. Мы проходим через две комнаты, меблированные в стиле ампир, с обоями, коврами, люстрами, освещающими всё это великолепие, но не безвкусную дешёвую роскошь с пышным золочением и леопардовыми шкурами, а весьма элегантную, настоящую роскошь. После того как дальше миновали две стеклянные двери, мы пришли в бассейн. Голубая водная гладь наколдывала красивые световые блики на потолок.

Давид плывёт кролем по голубой дорожке. Меня околдовывают его мускулы на спине, которые вибрирую при каждом движении мужчины. На втором круге он замечает меня, перестаёт плыть, и выходит из воды. С открытым ртом я внимательно рассматриваю его верхнюю часть туловища, по которому жемчужными каплями стекает вода с его прекрасного тела. Он некрупного телосложения, плоский живот, на котором выделяется его пресс, хорошо сложенный торс, голубые полосатые плавки в стиле 50-х годов, которые прижимаются к телу Фултона.

Его тело мускулистое, очень мужское и одновременно худое. Нет слов. Я колеблюсь между Аполлоном, Адонисом и Антиноем. Давид серьёзно меня рассматривает, молча сушит себя так, как будто хочет дать мне возможность смочь спокойно его рассмотреть.

— Доброе утро, мадемуазель Марс. Я думал, наша встреча была назначена на 10 часов?

— Да, но...

— Но?

Едва ли признаюсь ему, что из-за него сегодня ночью я не закрывала глаза.

— Я хотела поговорить с вами о вчерашнем вечере. Если я разбудила в вас впечатление...

— Вы будите во мне очень много, мадемуазель. Это скверно. Вы прямо-таки воспаляете мою силу воображения. Но не придавайте значения, вы не должны себя упрекать. Это не ваша вина, а скорее то, чем вы обладаете от природы: ваши глаза, ваши волосы... всё ваше тело – это приглашение. Я чувствую, что меня тянет к вам как магнитом.

Не могу поверить! Так его тоже!

Я стою прямо перед ним, моё дыхание учащается. Он стоит передо мной с голым торсом, без слов, с приоткрытым ртом. У меня действительно есть очень большое желание поцеловать его. Всё же, если Давид меня поцелует, я точно знаю, что не смогу сопротивляться дольше

секунды. Потом я вздрагиваю от неожиданного женского голоса.

— Привет!

Я поворачиваюсь. Эта женщина старше меня, просто потрясающая, с рыжими локонами, которые падают ей на плечи, в чёрной блузке, юбке карандаш и туфлях на двенадцатисантиметровых каблуках, насмешливо улыбающаяся мне роскошными губами.

— Мисс Марс, я полагаю, — говорит она, и протягивает мне руку для приветствия.

Я совершенно потрясённо жму её руку. Возможно, это его подруга? У такого мужчины всегда есть несколько запасных вариантов, я должна это знать. Давид знает, что он - неуправляемый, сумасшедший, богатый - почему он должен ограничиваться?

— Мадемуазель Марс, — подключается Давид, — я хотел бы представить вам Юдифь Кэмпбелл, моего агента. Сегодня утром она прибыла в Париж.

Его агент? Он мне никогда ничего о ней не рассказывал, и также, что ожидает её. Это Фултон должен был сделать вчера вечером. Наверняка, она его агент и "большое удовольствие".

— Очень приятно, — говорю я язвительно одними губами. — Надолго приехали?

— Да, на несколько дней. Я стану сопровождать Давида в его путешествии в Италию.

Я разворачиваюсь к Давиду, моё дыхание сбивается.

— Путешествие в Италию? Когда?

— Ну, после того, как доделаю здесь всё окончательно. В конце месяца, — отвечает он.

Всё же с самого начала было ясно, что Давид не останется в Париже вечно. Он имеет обязательства, которые как раз и возникают из его жизни как миллиардера. Что я также представляю.

— Вы хотите позавтракать с нами, мадемуазель Марс? — предлагает писатель.

— Ах... к сожалению, я буду вынуждена отказаться от вашего любезного приглашения, потому что... я уже позавтракала... и вы, наверняка, весьма много должны мне рассказать. Я предпочитаю подождать вас в книжном магазине.

— Я нахожу, что в последнее время вы имеете привычку отказываться от моих предложений.

— Это потому, что мне необходимо время, чтобы подумать. И я полагаю, что делаю это хорошо.

Потом я ухожу. На улице у меня начинается настоящая истерика.

Что за сволочь!

Я была права - он ужасный плейбой, бабник, который разводит практиканток, пользуясь романтикой, чтобы окрутить свои жертвы, сыпет песок в глаза, чтобы попасть в постель...

Ну, может быть, не именно песок... Однако, действительно, удача, что вчера он меня не получил!

В первой половине дня по программе снова стоит сессия-автограф. Давид Фултон опять прячется за прохладной маской. Он в сопровождении своего агента. Она удовлетворённо улыбается, говорит ему вещи, над которыми писатель смеётся. Это сообщничество лишает меня последних нервов. Я бы хотела попросить у него объяснения, но тогда для меня станет ясно то, что я вообще не хочу никаких объяснений. Парень может спать с кем хочет, по мне, даже с несколькими женщинами одновременно, если у него есть к этому стремление. Но только не со мной. У нас чисто коммерческие отношения. В полдень я возвращаюсь обратно в офис "Ларок". Адель дуется. Я тоже, и это удачно. После обеда я получаю e-мэйл от Давида.

От: david_fulton@david-fulton.com

Тема: Что случилось?

Сегодня утром вы производили напряжённое впечатление.

Я хотела бы с удовольствием ему написать, что в этом виновата его рыжеволосая куколка. Тем не менее, затем я решаюсь на менее агрессивный способ действия.

От: louisa_mars@jm-laroque.com

Тема: Я, напряженная?

Не люблю неожиданности.

То есть, иногда, даже... Платье от "Диор", это было хорошей неожиданностью – и прямо сейчас по нашей теме: я естественно вам его верну.

Тем не менее, ваша агентша довольно не квалифицирована. Вы нашли её на шоу талантов?

От: david_fulton@david-fulton.com

Тема: Удивление

Ревнуете?

Если бы утром у нас было достаточно времени завершить наш маленький разговор, я доказал бы, что у вас нет оснований быть ревнивой.

От: louisa_mars@jm-laroque.com

Тема: Разговор?

В действительности, месье Фултон, вы бы вообще ничего не доказали.

Я также бы отклонила это предложение, как и ранние предложения, текущие и будущие. Кажется, сейчас подходящее время назвать вам свои причины:

1) Мне только поручили исполнять ваши желания. Выполнять ваши желания до того уровня, который разрывает границы моего договора практики. И не нужно договариваться с моей

гордостью.

2) Я не хочу зачислять себя в ряды группы, которые спят со своими идолами. Несмотря на ваши неоспоримые качества, вы – не мой идол. И даже если бы вы были им, этот метод просто не мой случай.

3) У меня нет желания быть очередным номером в вашем списке.

От: david_fulton@david-fulton.com

Тема: Гордость и предубеждение

Я тот, кто называет осмотрительный нрав своей натурой.

Я могу понять ваши условия.

Все причины, которые вы приводите, должны выполняться немного с гордостью и тем самым высокомерием. Это хорошо, быть гордым, если гордость не мешает в жизни.

Если бы я хотел вникать подробно во все ваши замечания, то должен бы был бросить на произвол судьбы детали моей личной жизни. Я этого не делаю. У меня есть мой потайной сад. Он весьма одичавший, полный густого кустарника, шипов и сорняка... Поэтому я посещаю его крайне редко.

И теперь ещё одно: за нашей электронной перепиской наблюдают.

Приходите сегодня вечером ко мне и позвольте нам спокойно поговорить обо всём.

Юдифь здесь не будет.

P.S.: Я не веду список.

Я буквально могу чувствовать ловушку: у него дома, в кресле стиля "ампир", в руке бокал вина, его нежность на моём локте, его дыхание на моём затылке. Как долго я смогу там сопротивляться?

От: louisa_mars@jm-laroque.com

Тема: Нет, спасибо

Я благодарю за ваше предложение, но мой ответ – нет.

Итак, как договаривались, завтра в отеле для интервью с "Book Hebdo".

P.S.: Кто следит за нашей электронной перепиской?

От: david_fulton@david-fulton.com

Тема: Досадно!

Как пожелаете.

P.S.: Американцы наблюдают за европейцами, европейцы наблюдают за американцами, и остальные наблюдают за всем миром. Поэтому будьте настороже!

Кто мог интересоваться e-мейлом автора романов? Должно ли это происходить из-за его отца, который умер в Иране? Или он говорит обо мне? Я предполагаю, что Адель может читать мои сообщения... Я снова концентрируюсь на моём индексе. Между тем, яростное беспокойство отступает. Моя душа рыдает, но здесь было для этого не то время и место.

Как только я возвращаюсь домой, тут же рыдаю. Мой телефон звонит. Это должно быть Давид, который не хочет сдаваться. Мне становится всё труднее не уступать его напору. И если он станет предлагать появиться у меня? На моём мобильнике появляется фотография Оливера. Только его мне ещё не хватает! Всё же я принимаю вызов.

— О, моя Лу, ты плачешь?

Я снова вру. Вряд ли стану ему рассказывать, что я невероятно возбуждена от плейбоя из литературной отрасли.

— Работа выматывает меня... и мой индекс делает меня сумасшедшей.

— Твой... индекс? Что с индексом?

Я прямо-таки чувствую его замешательство на другом конце телефона.

— Показатель, над которым я как раз сейчас работаю!

— Ах! — вспоминает он. — Ты хочешь, чтобы я зашёл?

Это почти последнее, чего я сейчас хочу. Я выплачусь на его плече, он будет гладить мой локоть, и в конце мы окажемся в постели. Как будто моя жизнь была и так не достаточно сложной.

— Это очень любезно, большое спасибо, но думаю, лучше если я пойду раньше спать. Почему ты вообще изначально позвонил?

— Я хотел предложить тебе пойти завтра вечером со мной в кино. Идёт *"Шёпот и крики"* Бергмана.

"Шёпот и крики" - сейчас это переполнило бы чашу. Как будто вся эта ситуация и без того не была достаточно нервной. Я отказываюсь, ложусь в кровать и всю ночь не смыкаю глаз.

16 августа

Совсем запыхавшись, я приезжаю в отель встревоженная и растерянная. Бар пустой. Я сажусь в одно из кресел с позолоченными подлокотниками и заказываю кофе. Кусаю губы. Мне нужно было найти предлог, чтобы сюда не приходиться. И ни в коем случае я не должна была одевать это пастельно-зелёное платье с открытой спиной. В отеле работает кондиционер, я не ношу лифчик, мои соски затвердели, поднялись и выделяются под одеждой. В тот самый момент, когда я чувствую запоздалое раскаяние, меня заставляет съёжиться знакомый голос.

— Кого-то ожидаете?

Я поднимаю взгляд и вижу Давида, который смотрит на меня сияющими глазами и чарующей улыбкой, его тёмные глаза направлены на меня. Это редкость, видеть его без тёмных очков, его взгляд такой убедительный, такой запутанный.

— Да... вас! — я заикаюсь и краснею.

Чёрт... я хотела казаться холодной и неприступной. Я всё испортила! И как быть снова с этими "чисто деловыми отношениями и ничего больше"?

Давид занимает место на другой стороне стеклянного стола напротив меня. Он также заказывает кофе и молча наблюдает за мной. Я ощущаю его взгляд на моей коже как ласковое обещание.

— Вы хорошо спали? — спрашиваю я, чтобы сломать молчание.

— Посредственно. Спасибо, что вы строите свои мысли вокруг моего сна, мадемуазель Марс, но мой сон был бы значительно лучше, если бы вы уступили моим убедительным и неоднократным просьбам.

— Вы знаете мои причины, месье Фултон, — отвечаю я смущённо.

— О ваших причинах можно спорить... И между тем, вы беспокоитесь о том, что я валялся в кровати без сна, мадемуазель Марс.

Я немедленно краснею. Его взгляд ласкает мою грудь. Он проводит большим пальцем над своими губами. Во мне поднимается желание. Я сжимаю бёдра вместе, чтобы ослабить своё возбуждение. Но это делает всё только хуже. Чтобы справиться с затруднительным положением, я сажусь на край кресла, но одновременно моё платье сползает выше по моим бёдрам.

Я не должна была надевать это платье!

Сколько ещё я смогу ему сопротивляться? Внезапно Давид встаёт, подходит ближе, и, упираясь руками в бока, молча встаёт прямо напротив меня. Я поднимаю взгляд, чтобы определить, какие намерения он теперь преследует. Но его не проницаемое лицо не позволяет мне ничего предположить. В тот момент, когда официант приносит кофе, мужчина садится позади меня и прислоняется к спинке, его ноги прижимаются к моим. Фултон почти касается меня, и я чувствую его эрекцию на своей заднице. Кровь стучит в мои виски, мне становится жарко. Давид кладёт свою правую руку на мою голую спину. Он нежно меня гладит, спускаясь по моему позвоночнику вниз, снова поглаживает вверх под моими руками, касаясь основания груди. Я прогибаюсь почти против воли, совершенно так, как будто хочу чувствовать его пальцы ещё отчётливее на своём теле.

— У вас великолепная спина, мадемуазель Марс, — бормочет он мне в ухо.

Я чувствую на шее его горячее дыхание и покрываюсь "гусиной кожей". С открытым ртом, тяжело дыша, я чувствую, как желание растекается по моему телу. Если он сейчас погладит мой локоть - я пропала. Именно в этот момент в баре появляется журналист "Book Hebdo". Мужчина смотрит на нас с широкой ухмылкой и Давид рывком встаёт. Я начинаю краснеть от стыда, чувствуя одновременно облегчение, что вмешательство извне спасает меня от опасной ситуации, в которой я маневрировала. Я нерешительно поднимаюсь и подаю руку журналисту.

Всё ещё насмешливо улыбаясь от того, что застиг врасплох Давида Фултона, который этим довольно-таки раздражён, поэтому даёт односложные ответы "да" или "нет". Это не продолжается и пяти минут, пока журналист не понимает, что сегодня не вытащит из Давида ничего интересного.

— Я уже понял, я мешаю... Вы хотите, чтобы мы назначили другую встречу, чтобы вы могли немного больше сконцентрироваться на мне.

— Отличная идея. Встречаемся завтра. То же самое время, то же самое место?

Журналист встаёт, трясёт на прощание руку Давиду и мне, при этом самодовольно усмехается, так что я неважно себя чувствую.

Как только он удаляется, Давид снова садится рядом со мной.

— Вы всё ещё говорите нет? — шепчет он в мою шею и при этом кладёт свою руку на мою спину.

Теперь действительно что-то творится с моими последними остатками гордости. Я не хочу быть практиканткой, которая спит с шефом, ненавижу этот вид отношений с подчинёнными. Но поздно, слишком поздно. Тепло его руки на моей спине заставляет исчезнуть силу воли.

— Я охотно бы... — шепчу я отчаянно. — Я бы охотно ещё долго вам сопротивлялась. Но полагаю, что больше с этим не справляюсь.

— Я понимаю - это значит да.

Я киваю и кусаю губы. Давид встаёт, берёт мою руку. Он ведёт меня к ресепшену и требует апартаменты. При других обстоятельствах мне было бы стыдно. Но мой разум отключился как одурманенный. Я больше не чувствую ничего другого, кроме желания, этот жар между моих ног, который требует удовлетворения. Мы следуем за невозмутимым посыльным в подъёмник. Давид снова кладёт свою руку на мою обнажённую спину, которая сжигает меня, и тепло которой струится по всему телу. Поднявшись наверх, Фултон ведёт меня в комнату, не отнимая своей руки от моей спины.

Серьёзный и всё-таки ощутимо возбуждённый Давид ведёт меня к постели. Но вместо того, чтобы лечь, он наклоняется и тянет красный шёлк, покрывающий край кровати. Не говоря ни слова, мужчина даёт мне понять, что я должна сесть. Сейчас я совершенно безвольна, молча соглашаюсь с тем, что Фултон стягивает с меня трусики. Потом он усаживает меня на край и тут же имеет меня в той же позиции. Его глаза управляют мной, удерживая взглядом. Я чувствую его палец, которые медленно, очень нежно проталкивается в меня, заставляя мои бёдра двигаться вверх и вниз, пока моё дыхание становится быстрее. Это мучение невыносимо. Глазами я умоляю его, чтобы он положил этому конец. Я полностью раздвигаю бёдра, потому что хочу чувствовать его палец. Рот Давида тут же находит мой, его ласки становятся настойчивее и интенсивнее. Чувственный мужской язык встречается с моим, он движется в том же ритме, как его руки. Я опираюсь на локти и отклоняюсь назад. Нежность Фултона становится требовательнее, я чувствую, как его палец проникает в самые отдалённые уголки. Снова поднимаюсь, чтобы сесть на его руку и ощутить его во мне ещё более отчётливо. Он всё ещё рассматривает меня, его глаза пылают желанием и любопытством.

Внезапно Давид толкает меня назад и убирает руку, которой держал в плену. Не отрывая от меня глаз, он медленно встаёт и полностью раздевается. Потом поднимает меня за руки. Я

стою перед ним, задыхаясь от желания. Мужчина умело снимает с плеч моё платье. Теперь я совершенно обнажённая, и чувствую его горячий член на своём животе. Я немного боюсь. Фултон садится на край кровати и тянет меня к себе. Его руки гладят мою задницу, пока губы исследуют грудь и покрывают её страстными поцелуями. Я чувствую, как он проводит ладонями по моим ногам, и покрываюсь гусиной кожей. Давид умело разводит мои бёдра, тянет меня к себе и ставит моё правое колено на кровать. Я больше не могу ждать, ставлю второе колено на кровать, чтобы сесть на него. Мужчина кладёт руки мне на бёдра и опускает меня на свой возбуждённый член. Я закрываю глаза и разрываюсь между страхом и желанием, которое меня поглощает.

И тогда я чувствую его во мне. Волна похоти проходит через живот и снова поднимается по позвоночнику. Я двигаюсь в ритме его рук и бёдер, сначала медленно, потом быстрее. Я больше не могу сдерживаться и стону, не могу больше контролировать свои движения. Как будто похоть овладела моим телом. Я вижу свои ногти, которые впиваются в мужские плечи, его глаза обжигают, рот полуоткрыт. Желание снова пронзает моё тело, я хочу полностью в нём сгореть и погрузиться в море сверкающего света. Я не знала, что вообще существует такое интенсивное чувство, и слышу, как Давид громко стонет от желания.

Он ложится на меня. Я открываю глаза. Давид улыбается мне. Потом целует мою шею, вытягивается рядом и нежно обнимает.

— Я знал, что вы созданы для желания...

— Тут возможно только вы один в значительной степени... Я сама себе не отдаю отчёт...

У него очаровательный смех, который заставляет меня таять.

— Мы будем вместе принимать ванну!

Я беру руку, которую он мне протягивает, и следую за ним. Ванная комната находится за двумя шторами. В центре помещения находится античная ванна на цоколе из белого мрамора. Давид ждёт, пока наберётся вода и поворачивается ко мне.

— У вас потрясающее тело. Совершенно пропорциональное, с такими мягкими линиями, - говорит он и при этом проводит пальцем от моей талии до бёдер.

Давид прижимается сзади, берёт грудь в свои руки, целует в шею. Во мне поднимается новая волна желания. Он отстраняется, ведёт меня за руку и заставляет залезть в ванну.

Я очарована его телом, плоским мускулистым животом, мужским и рельефным торсом. У него снова эрекция и он садится напротив меня в ванную. Давид берёт гель для душа и втирает его в мою грудь медленными массирующими движениями.

— Ваша грудь божественна. Как белый мрамор.

Я краснею.

— Бело-розовый мрамор...

Моё тело снова возбуждено. Я приближаюсь к нему и целую. Давид отвечает на поцелуй. Долгий, глубокий поцелуй. Страстный. Его язык исследует мой рот, пока он гладит мою спину намыленными руками. Сейчас я совершенно теряю контроль. Фултон тоже. Мужчина берёт меня за руку и неожиданно вытаскивает из ванны. Мы совершенно мокрые, и заливаем в

спальне ковёр. Писатель усаживает меня на письменный стол, не обращая внимания на воду и мыло, которые капают на столешницу. Потом обвивает мои ноги вокруг своей талии и проникает в меня. С закрытыми глазами я опираюсь на локти. Каждый удар пронзает как электрический ток, и я бы хотела, чтобы он никогда не останавливался. Но потом неожиданно притягивает меня ближе и подаёт руку, которую я хватаю. Давид ведёт меня назад к кровати, и мы ложимся.

— Мы сейчас не раз любили друг друга не в постели и совсем немного в ней, — замечаю я.

— При этом кровать - это интимное место...

— И то, что мы здесь делаем, разве не интимно? — спрашиваю я и при этом смеюсь.

— Я ещё не достаточно разведал ваше тело, мадемуазель Марс.

Потом он целует мои плечи, мою грудь... Давид медленно ведёт языком по моей правой груди, потом по левой. Это безумно прекрасно. Я невероятно возбуждена. Потом Фултон продолжает делать тоже с моим животом. Когда мужчина опускается в мою женственность, то гладит мои лобковые волосы.

— Если бы вы знали, как я люблю их, это золотое руно, такие мягкие и шелковистые...

Он вводит в меня один палец, и я уже снова в его власти. Давид просто волшебник. Невольно вытягиваю руки за голову и стону. Тогда Фултон приближает свой рот к моим половым губам и продолжает своё исследовательское путешествие. Его язык кружит вокруг моего клитора. Никогда прежде я не переживала ничего подобного. Внезапно мужчина прерывается. Я приподнимаюсь, меня охватывает паника. Не хочу, чтобы это чувство прекращалось. Он закидывает мои ноги себе на плечи и проникает в меня. Я совершенно не я, только его игрушка для удовольствия.

Несколько минут спустя я отдыхаю от этой лавины чувств. Неужели может быть такой чудесный мужчина: остроумный, элегантный, культурный, необыкновенно хороший любовник для красивой влюблённости? И вместе с тем, вероятно, проявились ещё не все его качества. Как получилось, что такой невероятный кавалер так сильно мной интересуется, что хочет со мной спать? Так часто хочет спать? Это не нормально, не может быть правдой. Должно быть, я нахожусь в другом измерении. Мечтаю с открытыми глазами. Я действительно не знаю, как мне поступить. Изнурённая таким большим количеством наслаждения, я засыпаю в его руках.

Просыпаюсь я ужасно голодной. Давид всё ещё лежит рядом. Он наблюдает за мной и гладит по волосам.

— Вы голодны? — спрашивает он.

— Ужасно голодна!

— Это нормально, так как уже пять часов дня ... Я собираюсь заказать что-нибудь в номер.

Я поднимаюсь с неприятным удивлением. Уже пять часов! Как долго я спала? Как долго мы любили друг друга? Давид заказывает по телефону сэндвичи, печенье и кофе. Через двадцать минут кельнер толкает в номер сервировочный столик, на котором громоздятся блюда. Потом он накрывает для нас ещё и стол. Мы садимся и едим в хорошем расположении духа. У Фултона тоже хороший аппетит. Сейчас романист едва ли ещё тот ледяной человек, который сначала так меня напугал.

— Всё же, в общем и целом, вы довольны нормальный, — замечаю я, наконец.

— Это так выглядит. Всё же внешность может быть обманчива...

— Ну, тогда я останусь на страже.

— Остерегайтесь на свете всех и всегда, только не меня. Я действительно хочу для вас только лучшего.

Печенье совершенно восхитительное. В этом исключительном состоянии, в котором я нахожусь, у меня впечатление, что раньше я не ела ничего такого вкусного. Сытая и довольная ложусь на кровать.

— И сейчас здесь это интимная ситуация? — спрашиваю я.

— Почти.

Он берёт подушку, кладёт её между моих ног, поворачивает меня на бок и прижимается сзади. Подушка трётся о клитор и колоссально увеличивает возбуждение. Именно в этот момент Давид проникает в меня. Я погружаюсь в океан желаний, в котором растворяюсь слишком охотно.

Глава 5

Счастливая?

17 августа

После этой ночи - или скорее после невероятной второй половины дня - я просыпаюсь изменённой. У меня впечатление, что я стала другой. Было разбужено не только моё тело: я обнаружила совершенно новый для меня материк. Ошеломительные чувства, новые эмоции, которые раньше я совершенно не могла представить.

Давид ещё спит рядом. Его грудь равномерно поднимается и опускается, в ритме его дыхания. Жажду поцеловать его соски на груди. Но всё таки сдерживаюсь, не хотела бы его будить, только хочу недолго понаблюдать за ним, чтобы он меня не заметил. Я склоняюсь над его лицом. Глаза Фултона закрыты. Неожиданно на губах мужчины появляется улыбка, он просыпается и открывает глаза. Они особенного, деликатного цвета, который позволяет мне потерять голову: глубоко чёрные и бархатистые, как ночь полная звёзд. Великолепно. Я погружаюсь в них и теряюсь. Давид улыбается, и эта улыбка освещает всю комнату.

— Доброе утро, Луиза, — говорит он и тесно прижимается ко мне.

— Доброе утро, Давид.

Мужчина мягко гладит меня по плечу.

— Ты бы согласилась со мной позавтракать?

— Мы теперь на "ты"?

— У меня впечатление, что мы сейчас были достаточно близки, чтобы обращаться на "ты".

— Здесь вы в виде исключения один раз правы.

— В виде *исключения*? Вы оскорбляете меня! Я *всегда* прав!

Я начинаю громко смеяться. Я едва ли понимаю своё счастье. Он – самый прекрасный мужчина в мире, и я лежу в его руках, в необыкновенно роскошной комнате, после того как познакомилась с вершинами удовольствия. Давид говорил мне, что моя грудь прекрасна как бело-розовый мрамор, когда целовал их, целовал всё моё тело. Я мечтаю.

Мы завтракаем на террасе. Она возвышается над крышами Парижа, над верхушками деревьев Jardin des Tuileries (*прим.пер. - сад Тюильри, общественный парк в центре Парижа*). Изумительный вид для почти неземного прекрасного момента, и, не в последнюю очередь, вкусный завтрак.

У Давида на одиннадцать часов назначено интервью, которое он вчера передвинул из-за нашего неконтролируемого порыва. Мы спускаемся в гостиничный бар. Журналист уже ждёт и приветствует нас рукопожатием и понимающей улыбкой.

Целый час Давид показывает себя открытым с приветливой и вежливой стороны. Журналист покидает нас в хорошем настроении. Потом Фултон целует мою руку и предлагает пойти к нему кое-что поесть, искупаться и потом делать другие прекрасные вещи. Я киваю и радостно улыбаюсь. Когда мы покидаем отель, у меня впечатление, что город и его жители изменились в форме и цвете. Это не должно означать, что я рассматриваю всё теперь прославленными розовыми очками, нет, это скорее чувство, что кое-что изменилось коренным образом. Что, кстати, имеет силу и для меня. Я стала другой. Как будто неожиданно меня коснулась волшебная палочка, и появилось ощущение, что я стала женщиной.

Когда мы прибываем к нему, он берёт меня за руку и ведёт в спальню. На кровати лежит очаровательный нежно-розовый купальник. Я узнаю модель, потому что неоднократно любовалась им в витрине "Eres". От радости я прыгаю и целую Давида. Поцелуй, который изначально был задуман как "спасибо", становится длинным и страстным. Мы, смеясь, падаем на кровать. Я примерю купальник позже, сейчас есть занятие намного интересней.

Осторожно, Луиза, не влюбись в него. Ты ведь не позволишь гормонам счастья задурманить твой мозг, чтобы помешать видеть его недостатки. Всё же ты не отдашь себя ему. Вспомни: у этого мужчины есть опасно странные порывы!

И потом мы вместе плаваем в бассейне. Всё так спокойно, слышен только шум наших размеренных движений в воде. Мы не говорим, нам это не нужно.

Потом появляется Юдифь и приветствует нас. Я совершенно забыла о ней. Это моя злая фея, которая появляется, чтобы портить всё, что препятствует моей влюблённости. Напоминает мне о том, что для сказки нет места в реальности. Я покидаю бассейн и стараюсь скрыть раздражение. Давид всё ещё не сказал, в каких отношениях он состоит с Юдифь. Они оба очень прекрасны, вместе работают, по-видимому понимают друг друга очень хорошо... Как будто между ними ничего тут не пробегало? Писатель снова надевает свои очки, фиолетовую рубашку-поло и брюки баклажанового цвета, потом мы втроём обедаем. Из вежливости Юдифь задает вопросы о моей учёбе, хобби и практике. Я прохладно отвечаю. Фултон чувствует мою неуверенность и хватает за руку. Он мягко проводит большим пальцем по мизинцу, потом переходит к другим пальцам. Друг за другом они также получают маленькие поглаживания.

Эти нежности вызывают во мне воспоминания о других жестах, которые гораздо меньше подходят для еды. Я кусаю губы, чтобы больше не думать об этом. Юдифь наблюдает за нами, с

трудом скрывая досаду. Уверена, она охотнее была бы на моём месте. Давид предлагает мне пойти в Лувр и осматривать там греческие вазы. Я соглашаюсь. Хотя и представляла себе другое совместное занятие на сегодняшнюю вторую половину дня – занятие вместе со снятой одеждой – но его предложение вероятно благоразумнее, потому что, в конце концов, я стану не так от него зависеть.

В Лувре, посреди потока туристов, Давид берёт меня за руку как маленькую девочку, которую не хотят терять. У греческих ваз он делает себе заметки на планшет.

— Это для твоего следующего романа?

— Возможно...

— Ты не хочешь об этом говорить? Ты суеверный?

— Это может оказывать негативное влияние на мое вдохновение.

Я сажусь на скамейку и жду, когда он освободится. Мне холодно. Я всё ещё одета в платье с открытой спиной, которое уже носила вчера, я действительно должна переодеться. У меня большое желание лечь с ним в постель, ласкать его, рассматривать, целовать, чувствовать себя желанной, чтобы он любил меня. И потом появляется ощущение большого удовольствия, которое я обнаруживаю в себе и не хочу, чтобы оно проходило. Я хочу не только лежать в его руках, а хочу, чтобы он был во мне. Давид садится рядом и кладёт свою руку мне на спину. Между тем, о греческих вазах я забываю окончательно...

— Ты скучаешь?

— Нет, нет. Но я бы хотела быстрее оказаться дома и переодеться.

— Хорошо, пойдём.

Неожиданно меня озаряет: я бы не хотела, чтобы он видел мой дом, мой крохотный дом, который ещё и не прибран. Это может привести в шок моего роскошного любовника.

— Я иду домой одна и потом позднее приду прямо к тебе.

— Но, я бы охотно узнал, где ты живёшь.

— Ты уже знаешь. В одной маленькой студенческой квартире, как раз совершенно банально...

— говорю я и краснею.

— Окей, я это понимаю. У меня есть другая идея: позволь нам вместе пойти за покупками.

— Ещё раз?!

— В этот раз твоя очередь.

Гари сразу везёт нас в "*Bon Marché*", который, в отличие от его названия, является роскошным торговым домом. Там я выбираю себе всё, что хочу: прекрасное бельё, неслыханно дорогой шикарный блейзер, платье сине-лавандового цвета. Платье, в котором я выгляжу ни как прилежная маленькая девочка, ни как роковая женщина. Совершенно. Уже ясно, как это сейчас выглядит, но мне всё равно, я просто счастлива. Чтобы поблагодарить моего благодетеля, я покрываю его лицо бесчисленными поцелуями.

Остаток дня мы проводим в кровати и получаем божественно много удовольствия. В субботу, а также всё воскресенье. Мы едим в спальне Давида, и совершенно отрезаны от внешнего мира. Звонок Барбары возвращает меня назад в действительность.

— Я не слышала, как ты вернулась домой. У тебя всё прошло хорошо, Лулу?

— Да, мои дела идут чудесно.

Я чувствую, что должна больше вдаваться в подробности, она прямо-таки этого ожидает.

— Я расскажу всё тебе потом... Пока.

Давид морщит лоб.

— Что точно ты ей расскажешь?

— Ничего определённого. Я буду только говорить, что ты был весьма обходительный мужчина. Больше ничего.

"Весьма обходительный мужчина" кивает головой более или менее убеждённо.

— Всё-таки я обязана Барбаре тем, что выбросила свои принципы за борт. Она была тем, кто, наконец, сказал мне: "Это наслаждение, Лулу, наслаждайся!"

— Она называет тебя Лулу?

— Много людей называют меня Лулу. Оливер говорит больше Лу, с намёком на Аполинера [9].

— Я предпочитаю Луиза, и я не люблю Аполинера.

Он подчёркивает своё замечание поцелуем в мою шею.

Единственное облако в моём безупречно чистом небе счастья: ничего постоянного быть не может. Давиду быстро надоест развлекаться со мной – это практически несомненно. Вероятно, он ожидает только своего отъезда в Италию, который станет для него предлогом, чтобы смочь покинуть меня без больших сцен.

19 августа

За завтраком я вместе с Давидом репетирую делать бесстрастное лицо, чтобы Адель тут же не разгадала моё счастье по глазам. Он заходится смехом.

— Совершенно не справляешься с бесстрастным лицом. Ты абсолютно не в состоянии скрывать свои чувства. Это поразило меня уже при нашей первой встрече.

— Так вот оно что!

— Это и ещё многое другое... теперь, пожалуйста, смотри сюда – наблюдай и учись!

Давид мгновенно меняет выражение лица, и кажется прохладным. Он оказывается мастером этого дела. Я пытаюсь подражать ему как можно лучше, однако потом тоже не могу больше удержаться от смеха. В конце моего маленького перерыва я еду в "Ларок". И использую

полученные от Давида знания, когда шагаю в офис Адели, которая меня вызвала.

— И? Как дела с показателями?

Моё так напряжённо выработанное выражение лица пропадает. Я краснею. Я совершенно забыла про индекс. Я должна была закончить его ещё в последние выходные, но имела совершенно другие вещи в голове. Что у меня перевернулись ночь и день, я лучше не буду тыкать её в это носом, и мямлю, что забыла и извиняюсь.

— Хорошо, тогда ты завершишь его сегодня, и затем позаботишься о Брайане Беннетте.

— Он написал новый роман?

— Конечно, нет! — отвечает Адель совсем раздражённо. — Нет никого, кто пишет триста страниц в месяц. Мы ожидаем автора на следующей неделе, если появится его недавний роман, который как раз передан в продажу. Ты должна организовать авторские чтения, время для автографов и интервью.

— То, что я делала для Давида Фултона?

— Да, точно так, конечно, без того, чтобы играть в кокетку. Это может вызвать раздражение у Брайана.

— Я не кокетничала...

— Собственные глупые отговорки можешь подарить себе.

Бормоча оскорбления, я разворачиваюсь обратно в свой офис. Старая коза. Теперь я снова должна быть подарком в целях рекламы! Адель в самом деле не знает, чего хочет: если она действительно полагала, что я играю в кокетку и намереваюсь лакомиться дома всеми авторами, почему тогда тут же бросает меня вперёд ногами к следующему? С неописуемым остервенением в животе, я заканчиваю индекс в рекордное время. Потом перехожу к тому, что готовлю посещение Брайана Беннетта. Каждая его форма лишена соблазна, даже если я очень люблю его романы - на фотографиях, которые я видела, автор выглядит как очаровательный старый господин кажущегося средневекового изобилия...

Вечером я в шутливом тоне рассказываю Давиду обо всех тяготах, которые произошли со мной в течение дня. Его лицо меняет цвет: сначала оно было тёмно-красное, затем белое, а затем приобретает почти зеленоватый оттенок.

— Это вообще не принимается в расчёт!

— Что не должно приниматься в расчёт?

— Ну, что ты заботишься о Брайане Беннетте.

— Ты ревнуешь к Брайану Беннетту?

— Пожалуй, да.

— Но, он - старый мужчина, кроме того, довольно полный...

— Ну и? У старых полных господ тоже есть свой шарм... И, кроме того, я знаю, какое притяжение оказывают на тебя успешные авторы.

— Да как ты смеешь! Я отвергала все твои неоднократные попытки сближения!

— Но, в конце концов, ты всё же уступила, да?

— Ты...

Я не заканчиваю предложение, а иду и захлопываю за собой дверь. Этот гнусный соблазнитель также ещё ужасный, безобразный и властный. Я боялась, что Давид поставит точку в нашей маленькой истории, но сейчас это сделала я. Я заканчиваю. Киплю от ярости.

Едва я прибываю домой, Барбара звонит в мою дверь.

— И? Как прошли твои дурманящие выходные?

Когда она видит моё лицо, её хитрая улыбка исчезает и лицо принимает озабоченное выражение. Я рассказываю ей, что произошло, не вдаваясь в детали.

— Ты не должна это терпеть! — подруга возмущена. — Разъясни ему, что мы больше не живём в девятнадцатом столетии, где женщина поступалась собой для мужа. Те времена, к счастью, прошли... И эта его ревность не приемлема. Отношения без доверия не имеют будущего.

— Отношения? Это было не что иное, как сексуальное притяжение. Очень интенсивное, то теперь этому конец.

Кажется, Барбара разочарована тем, что моя сказка заканчивается таким образом. Я тоже. После того, как она уходит, я ложусь в кровать, яростная и полная сожаления. Я почти засыпаю, когда меня будит звонок телефона. На дисплее появляется фото Давида. Он в очках, потому что отказался фотографироваться без них. Фултон боится внезапно появиться где-нибудь в интернете со своими чёрными глазами. Писатель оставляет сообщение. Я прослушаю его завтра. Потом я отворачиваюсь. Один. Два. И всё же потом прослушиваю сообщение:

— Луиза, мне стало ясно, что тебе не понравилась моя реакция... Мне очень жаль. Это сильнее, чем я. Возвращайся и позволь нам поговорить об этом. Пожалуйста.

Я так сильно всхлипываю, что моё тело дрожит. Нет, я не вернусь обратно. Теперь Давид просит прощение, но он начнёт всё снова, я уверена. Если Фултон может быть таким ревнивым, то это не падает с чистого неба, а лежит в его природе.

Утром меня будит дверной звонок. Мне понятно, что это не могут быть ни Барбара, ни Оливер. Должно быть, Давид. Он входит. Выражение его лица ледяное. Фултон ищет место, чтобы сесть, осознаёт, что мы находимся в квартире студента и, наконец, опускается на край кровати. Я сажусь рядом с ним. Бесконечно нежно мужчина берёт мою руку.

— Забудь Брайана Беннетта, и поедem со мной в Италию.

— Что? Моя практика ещё до конца сентября. Если бы я поехала с тобой, то должна была бы заявить об увольнении.

— Всё же, это только практика...

— Это моя практика и её было достаточно тяжело получить. Возможно, для тебя это ничто, но для меня это первый шаг в моей карьере. Я всё же не могу оставить её для первого попавшегося....

— Первого попавшегося что?

— Первого попавшегося ухажёра, который перебегает мне дорогу.

— Итак, я больше ничего для тебя не значу?

Я рассматриваю его с широко раскрытыми глазами. Что он от меня ожидает? Объяснение в любви? Для того, чтобы быстрее отступить, как только я признаюсь ему в моих чувствах? Нет, спасибо.

— Давид, оставь эти маленькие игры со мной.

— Какие игры?

— Игра "Если бы ты действительно меня любил, то отказался бы от всего для меня" и так далее.

— Игры такого типа кажутся мне малозанятными, — отвечает он ледяным тоном. — Если ты так смотришь на вещи, то мне здесь действительно нечего искать.

Мужчина встаёт и идёт в направлении двери.

— Согласись, Давид, согласись, что ты только играешь со мной в игру. Ты не можешь упрекать меня, что я больше не придаю значения этому сексуальному приключению...

Фултон поворачивается, рассматривает меня своими тёмными очками.

— Если бы ты поехала со мной в Италию, я смог бы доказать, что ты для меня гораздо больше чем сексуальное приключение.

И с этими содержательными словами он выходит.

Я пару минут думаю или лучше сказать - стараюсь пару минут не задумываться. Встаю, открываю дверь, мчусь вниз по лестнице и бросаюсь в его объятия.

— Возьми меня в Италию!

Продолжение следует